

АТРПЕТЪ

БАБИТЫ И БЕХАИТЫ

Съ 30 рисунками

ТИФЛИСЪ 1910
Электропечатня Н. Г. Аганьянцъ

БАБИЗМЪ

и

БЕХАИЗМЪ

АБДУЛЪ-БЕХА

Г. Атрпету

Автору книги „Мамедъ-Али Шахъ“.

15 Іюня 1909

Очень благодарю Васъ за присылку вашей книги. Я нашелъ въ ней много для себя новаго и въ высшей степени интереснаго. Меня также интересуютъ по своимъ заглавіямъ и другія Ваши книги, указанныя въ объявленіи: „Шіитское духовенство“, „Секта Бабизмъ“, „Податная система въ Персіи“, „Младотурецкое движеніе“.

Левъ Толстой

Бабъ

Вскорѣ послѣ кончины Пророка Магомета въ первоначальный же періодъ распространенія Ислама среди персовъ, послѣдователей Зароастра, возникла секта шіитовъ-Мутешеритовъ, или Иснаашари (поклонниковъ 12 имамовъ). Возникновеніе этого ученія послужило ядромъ тѣхъ безчисленныхъ сектъ, которыми такъ изобилуетъ современная Персія.

Пылкое воображеніе перса обоготворило основателя Ислама, его родственника Али и 12 потомковъ ихъ, вѣря, что родъ Магометовъ зачатъ въ „Божественномъ Огнѣ" и что эти ближайшіе потомки Магомета имѣютъ сношеніе съ Высшей Силой и т. д., и т. д. Сопоставляя въ своемъ воображеніи дѣянія потомковъ Великаго Пророка съ похожденіями своихъ баснословныхъ и легендарныхъ небожителей Ахаменидовъ, Аршакидовъ и Сасанидовъ, персы сплели такую чудную фантастическую миѳологію, которая и по нынѣ даетъ обильную пищу пылкому воображенію перса, этого „сына огня" и „дитяти солнца" создавать все новыя и новыя секты.

Если каждый персъ по ученію шіизма есть атомъ Сверхъестественности, которую онъ исповѣдуетъ и которой онъ принадлежитъ своимъ умственнымъ строемъ, если и не составляетъ самостоятельной секты, то по крайней мѣрѣ каждый грамотей, каждый дервишъ, мыслитель, философъ имѣетъ такой своеобразный догматъ, что создаетъ самостоятельный шіитскій толкъ съ совершенно противоположными другъ друга взглядами.

Окруженный роскошной природой и ея чудесами, чего-чего не могла создать богатая фантазія перса. Убаюкиваемый создаваемыми имъ самимъ же сказками и образами, сынъ востока, какъ бы загипнотизированный, погрузился въ глубокій сонъ. Онъ даже не замѣтилъ, какъ далеко отстала его родина отъ цивилизаціи и культуры Европы.

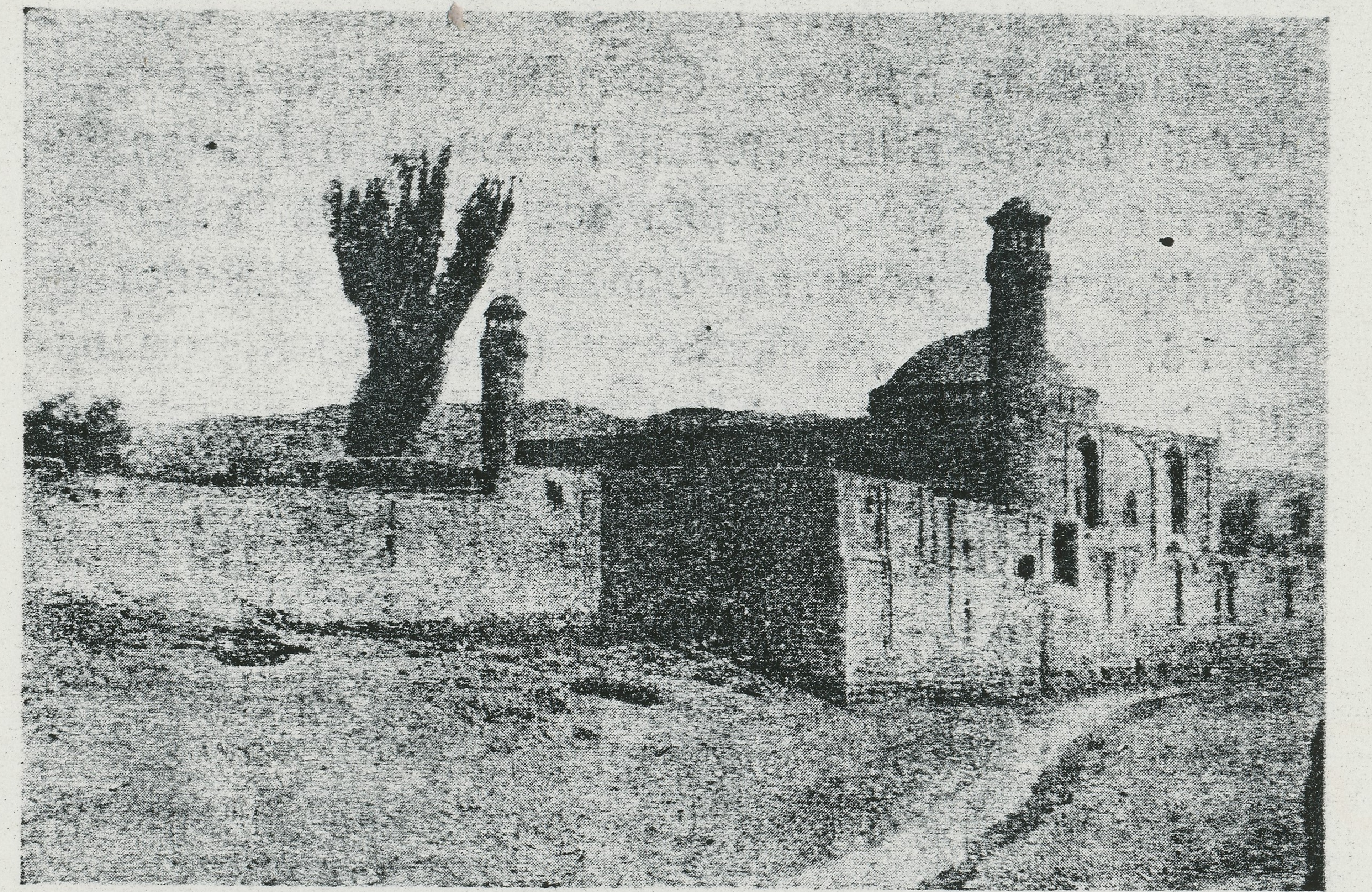
II

Грохотъ паровыхъ машинъ, развитіе фабричнаго производства товаровъ, удобное и скорое сообщеніе при помощи пара и электричества, наконецъ, знакомство, хотя и невольное, съ народами, населяющими сосѣднюю Европу, и умственное сближеніе съ ними, все это не могло не повліять на перса. И унылый сынъ дряхлаго востока дѣйствительно пробудился отъ вѣкового летаргическаго сна.

Самое большое вліяніе на пробужденіе Персіи оказали Русско-Персидскія войны 1800-1828

разъяснялъ нѣкоторыя неясныя мѣста въ произведеніяхъ Баба.

Но такъ-какъ его приближенные мѣшали ему предаваться размышленіямъ, а онъ любилъ уединенную жизнь, то тайно отъ своихъ друзей и поклонниковъ покинулъ Багдадъ и двинулся на сѣверъ Месопотаміи, гдѣ и избралъ своимъ мѣ-

стожительствомъ горное селеніе Сергелу, близъ города Сулейманіе. Здѣсь въ уединеніи прожилъ онъ два года. Окрестные жители, познакомившись съ его ученіемъ и очарованные проповѣдями, святостью его жизни и добротою, повезли его въ городъ Сулейманіе, гдѣ суннитское духовенство тоже увлеклось его ученостью и краснорѣчіемъ.

Слухъ о появленіи Мирзы Гусеина въ Сулейманіе достигъ до Багдада, откуда бабиты послали

делегацію къ нему, прося вернуться въ Багдадъ, въ раззоренную столицу Аббасидовъ.

До тѣхъ поръ бабиты старались жить по заповѣдямъ «Беяна» Баба, ревностно изучали какъ письменныя произведенія, такъ и устныя проповѣди Баба, согласуя свою жизнь съ требованіями его. Но не было стройной системы въ религіи, не выяснены были права и обязанности народа, не ясно было, которыя изъ заповѣдей Ислама должны быть приняты бабитами, а которыя отвергнуты. Бабъ, Бишройскій, Геоджатъ и Тахире отвергли нѣкоторыя обрядности Ислама, какъ-то: пятикратная молитва, обрѣзаніе, многоженство, постъ, женскій „намахрамъ" (покрывало), омовеніе, но не смотря на это многое еще оставалось туманнымъ и неяснымъ, что давало поводъ къ спорамъ. Гусеинъ Али началъ разъяснять, неясное комментировать. Свои разъясненія началъ онъ разсылать посланіями всѣмъ кружкамъ бабитовъ, но не желая подвергнуть себя наказанію, которое неминуемо грозило ему за его пропоганду, онъ писалъ свои посланія отъ имени своего младшаго брата Эзели. Проповѣди Баба вращались только вокругъ развитія человѣческаго разума и въ въ отрезвленіи его, въ пробужденіи и распространеніи его идей, но все это было такъ не ясно, и мысли его были облечены въ такую туманную форму и были въ такомъ зачаточномъ состояніи, что всегда нуждались въ разъясненіяхъ а потому явилась необходимость въ такомъ умѣ, какимъ былъ Гусеинъ Али. Дѣйствительно, Гусеинъ Али съ честью выполнилъ выпавшую на

г. г. Побѣды Орла надъ Львомъ, отдѣленіе Кавказа отъ Персіи воочію доказали гордымъ шiитамъ ихъ отсталость и неподвижность. До того

Али, Первый Имамъ, Основатель Шіизма.

персы были очень высокаго мнѣнія о себѣ, считали себя народомъ даровитымъ, культурнымъ, единственнымъ въ мірѣ, что они—геніи, лучшіе ма-

стера, что у нихъ самая чистая и идеальная религія; короче, они—Богомъ избранный народъ. Все то, что прекрасно, благородно и драгоцѣнно сосредоточили у себя, а всѣмъ варварскимъ, некультурнымъ надѣлили своихъ сосѣдей. Но дѣйствительность показала не то: сравнивая свою культурную работу съ фабричными производствами и, увидя преимущество европейскаго генія, они тогда только почувствовали и уразумѣли, какъ далеко отстали отъ своихъ сосѣдей европейцевъ, имъ казалось, что міръ перевернулся верхъ дномъ, и что законы природы потеряли свою гармонію. Тяжело было видѣть персу, какъ съ каждымъ днемъ закрываются ихъ мастерскія, падаютъ ремесла, торговля, народное благосостояніе, рабочій же классъ буквально голодалъ, что давалъ поводъ къ ропоту. Такое положеніе вещей не могло не вызвать со стороны интеллигенціи критическаго самоанализа. А это обстоятельство привело къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей.

Само собой разумѣется, что интеллигенція и простой народъ не могли одинаково чувствовать и анализировать событія, происходившіяся вокругъ нихъ, но для всѣхъ было ясно поголовная отсталость и косность родины и то сознаніе, какъ много потеряла страна отъ своей обособленности.

III

Эта отсталость не могла не имѣть вліяніе на шіитское духовенство, служители котораго,

Зердуштъ. Зороастръ.
Барельефъ на одной скалѣ Бейгистуна

слѣдуя духу времени, старались не только стричь паству, но эксплоатируя народъ по новому, не

стѣснялись сколачивать и крупные капиталы. Конечно, это становилось возможнымъ лишь тогда, когда народъ коснѣлъ въ невѣжествѣ.

Высшее и низшее духовенство шіитовъ давно уже измѣнило завѣтамъ основателя Ислама. Оно смѣнило простоту жизни на багатство вельможи, самоотверженность—на развратъ, умѣренность на жадность, любовь къ народу на лихоимство.

Враждующіе между собою разные толки шіизма нерѣдко вступали въ религіозные споры, которые часто переходили на улицу, гдѣ нерѣдко кончались крупными скандалами. Такія дѣянія духовенства, конечно, не способствовали увеличенію популярности или уваженію къ сану, а потому въ настоящее время народъ за небольшимъ исключеніемъ истинно идеальныхъ людей ненавидитъ духовенство, всѣхъ своихъ муджтеидовъ, видя въ нихъ только эксплоататоровъ и грабителей.

Ученіе шіизма, а вмѣстѣ съ нимъ вѣру въ миѳъ о Мехти *) и Джабулгаѣ такъ обвѣтшало и такъ ослабло, что не стало видерживать уже никакой критики. Оно, благодаря послѣдующимъ наслоеніямъ разныхъ хадисовъ имамовъ, стало только сказкой, въ которую могли вѣрить развѣ только дѣти.

Такое положеніе вещей создало готовую почву для воспріятія новаго ученія, и Персія ждала какого-нибудь реформатора, который бы произвелъ коренную реформу не только религіи, но и жизни.

*) См. наше соч. „Джаннишинъ".

IV

Персидская интеллигенція ждала преобразованія своей родины извнѣ, желая произвести ре-

Сеидъ Али Магометъ—„БАБЪ“
(Работа персидскаго художника)

формы по образцу Европы. Что же касается до

простого народа, то онъ съ нетерпѣнімъ ждалъ обѣщаннаго имъ Свыше Мехтія и надѣялся, что съ приходомъ его наступитъ то блаженное время, когда будетъ едино стадо и единъ цастырь, и земной міръ превратится въ рай.

Изъ этого хаоса понятій и воззрѣній на жизнь возникла секта бабитовъ, которая впослѣдствіи по имени главнаго учителя бабитовъ, называлась Бехаите

Въ 1844 году юноша Сеидъ-Мирза Али Магометъ, сынъ небогатаго ширазскаго купца Сейда-Рза, осиротѣвшій еще въ дѣтствѣ, возвращаясь на родину изъ поломничества Мекки, началъ проповѣдывать слѣдующее: онъ—Дверь (Бабъ) познанія и справедливости, что онъ—тотъ, котораго по точному указанію Библіи и Корана ожидаютъ съ такимъ нетерпѣніемъ всѣ народы. Онъ посланъ съ неба возвѣстить о скоромъ Богоявленіи и приготовить народы встрѣтить Всевышняго и направить ихъ на путь истины.

Его проповѣдь, отвѣчая духовнымъ потребностямъ слушателей, такъ увлекала своей искренностью и убѣжденностью, что въ самое короткое время число его послѣдователей сильно увеличилось. Послѣдователями его стали такіе извѣстные ученые-улемы и муджтеиды, что заставили смолкнуть всесильное духовенство Иснаашари и надолго всполошили и растревожили страну „Льва и Солнца“.

V

Родина Баба—городъ Ширазъ. Родился онъ 5 октября 1819 г. (I мухарремъ 1235 геджры).

Отецъ его былъ мелкимъ торговцемъ полотна. Не имѣя большого состоянія и сильныхъ связей, онъ еле могъ добывать насущный хлѣбъ для семьи своей торговлей.

Сеидъ Али Магомету не было и семи лѣтъ, какъ онъ лишился отца.

По смерти главы семьи, дядя его Гаджи-Сеидъ Али принялъ подъ свое покровительство осиротѣлую семью.

Бабъ въ дѣтствѣ отличался тихимъ и молчаливымъ характеромъ. По словамъ матери Бабъ никогда не игралъ ни въ какія игры со своими сверстниками.

Единственнымъ его занятіемъ было забиться гдѣ-нибудь въ укромный уголокъ и предаваться размышленію.

Отличаясь съ малыхъ лѣтъ набожностью, онъ кромѣ обязательныхъ для каждаго правовѣреннаго шиита пятикратныхъ молитвъ, предавался иногда цѣлыми часами чтенію аятовъ Корана и размышленію надъ ними.

Въ первый разъ, когда ахундъ далъ ему книги въ руки и приказалъ прочестъ ему слѣдующее вступленіе:

„ОНЪ есть источникъ познанія".

Бабъ, вскинувъ глаза на своего учителя, спросилъ его:

Кто это ОНЪ?.

Ахундъ смѣшался и не могъ ничего отвѣтить.

О дѣтствѣ и отрочествѣ Баба вообще мало что извѣстно, и объ этомъ періодѣ его жизни біографы какъ-то замалчиваютъ, а если и есть кое-какія отрывчатыя свѣдѣнія, то они мало достовѣрны.

Достовѣрно извѣстно только то, что онъ на 18 году своей жизни посѣтилъ Кербелай и священную могилу имама Гусейна. Пробывъ въ этомъ умственномъ и духовномъ центрѣ Персіи два мѣсяца, Бабъ ознакомился съ ученіемъ шейхитовъ и учениками извѣстнаго Гаджи-Сеида Кязима Рештскаго шейхита.

Ученіе это произвело на него такое сильное впечатлѣніе, что вернувшись къ себѣ на родину въ Ширазъ, онъ началъ изучать его.

VI

Ученіе Баба такъ сильно заинтересовало и привлекло къ себѣ всѣхъ персовъ шиитовъ, что каждый шиитъ персъ, будь онъ ученый, или только грамотный, всѣми силами старался добыть себѣ произведенія новоявленнаго Пророка или слушать его проповѣди, если не его лично хотя-бы учениковъ его, которые тайно, но очень усердно, пропагандировали идеи своего учителя.

Каждый персъ въ душѣ своей считалъ себя бабитомъ, онъ даже не боялся быть побитымъ камнями, какому наказанію подвергается по шаріату отступникъ Ислама.

Персы совершенно отвернулись отъ той религіи. которая ихъ только обманывала и, навѣвая золотые сны, вела ихъ къ гибели.

Въ Ширазѣ и въ окрестностяхъ его. на родинѣ Баба, въ короткое время стало такъ много послѣдователей новой секты, что акимъ (губернаторъ), желая положить конецъ распространенію секты, долженъ былъ арестовать Баба, но этимъ опрометчивымъ шагомъ только увеличилъ его популярность и число его послѣдователей.

Главной причиной успѣха и быстраго распространенія ученія Баба заключалось въ томъ, что Бабъ хорошо изучилъ Коранъ. Библію и произведенія всѣхъ мусульманскихъ богослововъ, искусно умѣлъ пользоваться выдержками изъ нихъ, и проповѣди его были всегда основаны на нихъ. Онъ умѣлъ красиво говорить и всегда увлекалъ своихъ слушателей.

Не получивъ спеціальнаго образованія, съ точки зрѣнія шіитскаго духовенства, онъ чудно владѣлъ арабскимъ языкомъ и такъ хорошо изъяснялся на немъ, что всѣ ученые улемы удивлялись, какъ могъ такой „недоучка" говорить и писать такъ хорошо.

Проповѣдуемый Бабомъ Богъ Тотъ же Самый Іегова, Которому преклонялся Мойсей и Тотъ же Аллахъ, Котораго проповѣдывалъ Магометъ.

Проповѣдь Баба заключалась въ томъ, что для установленія законовъ и подверждснія заповѣдей пророковъ и апостоловъ, Богъ Самъ явится на землю, чтобъ утвердить на землѣ Свою Волю и. такимъ образомъ, все человѣчество, исповѣдуя одну и ту же религію и Одного Того же Аллаха, обратится въ единую паству, пасомый Единымъ Пастыремъ.

Съ приходомъ Его воцарится на землѣ равенство и братство всѣхъ народовъ и царство мира. Согласно аяту „Лиги" Корана, а въ особенности имамскимъ хадисамъ, всѣ вослѣдователи Ислама, также и персы ожидаютъ съ нетерпѣніемъ Богоявленія. На этотъ счетъ имѣютъ обширную литературу, большая часть которой полемическаго характера. такъ-какъ сунниты даютъ совершенно иное толкованіе приходу ожидаемаго Бога.

VII

Бабъ, не боясь никакихъ преслѣдованій, какъ со стороны правительства, такъ и духовенства, началъ проповѣдывать, что онъ тотъ — Мессія-Мехти, о которомъ пророчествуютъ Библія и Коранъ и котораго считаютъ источникомъ знанія всего сокровеннаго и сверхъестественнаго. Онъ тотъ, котораго ожидаютъ подъ именемъ Мехти (Махди), и который будто долженъ прибыть изъ легендарнаго Джабулгая. По ученію Баба этого Джабулгая нѣтъ, это плодъ воображенія четырехъ наибовъ, (замѣстителей имама Мехти), которые посредствомъ хитросплетеннаго обмана управляли народомъ отъ имени имама Мехти въ теченіе 83 лѣтъ изъ Кязимина. или Сурре-Мерре. Этимъ же обманомъ впослѣдствіи воспользовалось и все шіитское духовенство. (См. „Джаннишинъ).

О Джабулгаѣ нѣтъ никакихъ указаній въ Коранѣ, говоритъ Бабъ, а потому хадисы этихъ наибовъ ложь и обманъ. Кто вѣритъ этой лжи, тотъ уподобляется язычиику, невѣрующему въ Единаго Бога. Я пришелъ, чтобъ обратить народъ на путь истины и уготовить его къ встрѣчѣ Того, Который скоро явится послѣ меня, чтобъ вести ихъ къ Миру, Справедливости и Свѣту.

Объявляя о несуществованіи Джабулгая, Бабъ въ корнѣ видоизмѣнялъ шіизмъ, а потому ученіе его являлось дерзкимъ вызовомъ шіитскому духовенству, которому и оставалось признать ученіе Баба святотатствомъ. Бабу грозила смерть. Но трудно было запугать великаго проповѣдника, и онъ, не боясь угрозъ муджтеидовъ, смѣло проповѣдывая свои идеи, вербовалъ все болѣе и болѣе послѣдователей.

Лѣтъ 40—50 до проповѣдей Баба, извѣстный основатель секты шейхитовъ Шейхъ Ахметъ-Бахріени, какъ и другіе расколоучители шіитскихъ сектъ, совершенно иначе проповѣдывалъ о вторичномъ явленіи Мехти, чѣмъ мутешериты.

Мутешериты, согласно своимъ хадисамъ, проповѣдуютъ, что Мехти—двѣнадцатый имамъ; какъ по своеиу рожденію, такъ и по своимъ совершенствамъ есть Всевысшее Богоявленіе Тотъ же Богъ. Для него не предопредѣлена смерть. Онъ безсмертенъ.

Онъ временно удалился въ Джабулгай, гдѣ имѣетъ многочисленное потомство и большую семью (безсомнѣнно, что они всѣ безсмертны). Когда настанетъ время, Онъ опять явится на землю,

и люди обрѣтутъ рай земной. и воцарится равенство и братство.

Сигатъ-уль-Исламъ, муджтеидъ секты „Шейхитовъ“ въ Тавризѣ

Шейхъ Ахметъ, подобно Бабу, опровергъ все это, основывая свое опроверженіе на Коранѣ. По

ученію Корана, Божество никогда не можетъ воплотиться, такъ-какъ оно безтѣлесно.

Всякое тѣло подвергается гніенію и разложенію, слѣдовательно, Божество, воплотившись въ Мехти—человѣка, не могло жить тысячелѣтіями, не подвергнувшись разложенію.

По ученію же Шейха Ахмета Бахріени, душа Мехти всегда витала и витаетъ по всей вселенной, избирая тѣло какого либо праведнаго ученаго—улема для себя убѣжищемъ и устами этого праведника проповѣдуетъ Божье Слово.

Ученіе это такъ вооружило все духовенство мутешеритовъ противъ Шейха Ахмета Бахріени, что онъ принужденъ былъ покинуть Кербелай.

По смерти Шейха Ахмета Бахріени, ученикъ его Гаджи Сеидъ Кязимъ, умирая, предсказалъ своимъ восемнадцати ученикамъ, что вскорѣ появится на землѣ душа Мехти, и они должны слѣдить за этимъ появленіемъ.

Ученики послѣ смерти своего учителя помолившись и попостившись 40 дней разбрелись во всѣ стороны за поисками того, котораго вдохновитъ своимъ Божественнымъ духомъ Мехти и признать его преемникомъ Гаджи Сеида Кязима.

Послѣ долгихъ поисковъ, одинъ за другимъ эти 18 улемовъ собрались вокругъ Баба и признали Его замѣстителемъ Гаджи Сеида Кязима. Актъ признанія этими улемами произвело такое сильное впечатлѣніе на всю Персію, что царствующій въ то время шахъ Мехмедъ, боясь смуты въ странѣ, послалъ въ Ширазъ изъ Іезда извѣстнаго богослова Сеида Яхія, сына знаменитаго Ага Сеида Джафферъ Кяши, которому приказалъ выступить публично противъ Баба, опровергнувъ его ученіе и осрамить его.

Когда Сеидъ Яхія, подъѣзжая къ Ширазу, остановился на ночлегъ, ему приснилось слѣдующее: Какъ будто онъ уже въ Ширазѣ въ гостяхъ у Баба и вступаетъ съ нимъ въ богословскій споръ. Во время этого диспута Бабъ перебиваетъ и предлагаетъ выпить свой стаканъ недопитаго чая и покориться ему. Яхія покоряется и исполняетъ просьбу. Сонъ этотъ производитъ на него сильное впечатлѣніе. Будучи суевѣрнымъ шіитомъ Яхія не могъ, конечно, не повѣрить всякимъ снамъ.

На слѣдующій день въ Ширазѣ дѣйствительно его встрѣтилъ Бабъ съ недопитымъ стаканомъ чаю и сказалъ ему: „допей чай, который мы съ тобой ночью пили!“ Изумленію Яхія не было границъ: такъ-какъ все встрѣченное во всѣхъ своихъ деталяхъ было поразительно похоже на видѣнное во снѣ. Голосъ, походка и физіономія Баба все соотвѣтствовало сну.

Ошеломленный и смущенный этимъ Яхія принялъ стаканъ, предложенный Бабомъ, допилъ его и продолжалъ начатый ими во снѣ споръ.

Когда во всей Персіи прошелъ слухъ, что извѣстный богословъ муджтеидъ Сеидъ Яхія, послѣ недоконченнаго спора съ Бабомъ, потерпѣлъ пораженіе и призналъ ученіе его, и самъ сталъ бабитовъ, авторитетъ духовенства Иснаашари сильно пострадалъ и упалъ въ глазахъ послѣдователей шіитизма.

VIII

Всѣ бабиты признавали Баба Мехтіемъ, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ и такъ долго ожидали шіиты.

Между тѣмъ, по ученію Иснаашари Мехти не долженъ былъ родиться какъ простой смертный, отъ какой либо женщины, но какъ сверхъестественное Совершенство долженъ былъ только явиться.

Слѣдовательно, Бабъ своимъ ученіемъ не только противорѣчилъ всѣмъ шіитскимъ хадисамъ, не только уничтожалъ всѣ преданія и догмы, но даже опровергалъ самую существенную часть вѣры, а именно: явленіе Мехти, какъ сверхъестественнаго чуда. Все это угрожало полнымъ уничтоженіемъ шіизма.

Всѣ ширазцы хорошо знали сына купца Сеида Рза Сеида Али Магомета; всѣ знали о его рожденіи, а потому, неудивительно, что шіиты не могли повѣрить, что юноша Сеидъ Али Магометъ, рожденный отъ женщины, тотъ Мехти, котораго ждали цѣлыхъ 10 вѣковъ. Народъ былъ возбужденъ и взбудораженъ. Правительству волей не волей приходилось вмѣшиваться, но оно колебалось. Правительство не могло не колебаться, такъ-какъ явленіе Мехти поколебало бы тронъ шаховъ, какъ узурпаторовъ власти.

Что же касается до шейхитовъ, то они имѣли совершенно иныя возрѣнія на пришествіе Мехти, чѣмъ Иснаашари. Возрѣнія эти были выгодны

правительству, такъ-какъ они упрочивали свѣтскую власть.

Правительство боялось преслѣдовать учениковъ Шейха Ахмета Бахріени и Гаджи Сеида Кязима, которые окружали Баба, такъ-какъ число ихъ послѣдователей было очень велико.

По ученію Шейха Ахмета Бахріени Богъ никогда не можетъ воплотиться, человѣкъ обожествляться, но только Божество можетъ войти въ тѣло праведнаго человѣка и, вдохновивъ его устами, проповѣдывать Свое Слово. Онъ даже утверждалъ, что по скончаніи міра, тѣла умершихъ людей не возстановятся въ своемъ первоначальномъ видѣ, а, напротивъ, души людей получатъ себѣ дѣвственно чистыя оболочки, подобно тому, какъ изъ сѣмянъ абрикоса получаются такіе же абрикосы, или изъ грушевыхъ косточекъ груши.

Учечіе это еще больше затемнилъ послѣдователь Шейха Ахмета принцъ Каджарской династіи Керимъ ханъ Каджаръ, который проповѣдывалъ, что грудь его служитъ убѣжищемъ души Мехти, и что онъ получаетъ откровенія.

Но когда собрался судъ надъ нимъ изъ его родственниковъ, то этотъ аристократъ „пророкъ" не имѣлъ столько гражданскаго мужества, чтобъ отстоять предъ ними свои идеи и постыдно отрекся отъ нихъ.

IX

Одной изъ главныхъ причинъ быстраго распространенія и привитія ученія Бабв послужила также проповѣдь Шейха Ахмета, въ теченіе долгаго времени какъ бы подготовившаго почву для воспріятія бабизма.

Когда ученики Шейхъ Ахмета восемнадцать знамѣнитыхъ улемовъ послѣдовали за Бабомъ и признали его за воплотившаго Мехти и указывали на намеки Шейха Ахмета Бахріени и Сеида Кязима Рештскаго о скоромъ появленіи Мехти, ученіе Баба, благодаря этому обстоятельству, безпрепятственно восторжествовало.

Признаніе этихъ 18 знатныхъ улемовъ такъ окрылило и воодушевило Баба, что въ благодарность за ихъ участіе онъ соединилъ къ нимъ свое имя и освятилъ число 19. Такъ, годъ онъ раздѣлилъ на 19 мѣсяцевъ, мѣсяцъ на 19 дней, взысканіе податей и урожая съ $^1/_{19}$, съ наслѣдства въ пользу бѣдныхъ $^1/_{19}$, въ совѣты и суды назначилъ по 19 членовъ.

Извѣстный улемъ Молла Гусеинъ, муджтеидъ Бишронскій, отдѣлившійся отъ своихъ сотоварищей въ Карбалаѣ для отысканія своему учителю Сеиду Кязиму Рештскому преемника, проѣзжая однажды черезъ Ширазъ, рѣшился остановиться у своего хорошаго знакомаго Баба и немного отдохнуть съ дороги. Бабъ принялъ своего высокаго гостя очень радушно.

Ночью, послѣ долгаго разговора, Бабъ спросилъ у своего гостя:

—Какъ вы думаете, не достоинъ ли я называть себя преемникомъ Сеида Кязима и наставникомъ шейхитов (секта, основанная Шейхомъ Ахметомъ Бахріени)?

Молла Гусеинъ улыбнувшись отвѣтилъ:

—Никогда! Да, у васъ есть масса достоинствъ, но чтобы стать преемникомъ Сеида Кязима, надо быть геніемъ, ученымъ и краснорѣчивымъ ораторомъ, каковыхъ качествъ у васъ вовсе нѣтъ.

Слова эти не обезкуражили Баба. Однако, дерзкія претензіи Баба сильно взволновали Моллу Гусейна, который желая успокоить себя, поднялся съ мѣста, взялъ съ полки какую-то книгу, оказавшуюся „Бегарраи Сурреи" (коментаріи ко II главѣ Корана) и прочтя нѣсколько страницъ спросилъ у Баба:

—Кто написалъ эти комментаріи?

Бабъ отвѣтилъ:

—Какой-то дерзкій юноша!.

Комментаріи эти были написаны такъ хорошо и на такомъ чистомъ арабскомъ языкѣ, что Моллѣ Гусейну непремѣнно захотѣлось узнать имя комментатора. Подозрѣвая, что комментаріи эти написаны домохозяиномъ, онъ попросилъ прочесть ему нѣсколько главъ. Бабъ взялъ книгу въ руки, началъ читать гнусаво и монотонно. Подозрѣнія Моллы Гусейна совершенно разсѣялись относительно того, что Бабъ является авторомъ этой книги.

На другой день Моллу Гусийна попросили произнести проповѣдь въ мечети, но онъ какъ-

будто онѣмѣль и, не начиная проповѣди, ушелъ домой изъ мечети, отговорившись недомоганіемъ. Въ послѣдующіе дни, когда опять просили его произнести проповѣдь, онъ опять не могъ сказать ничего путнаго, такъ-какъ всѣ его помыслы заняты были той книгой, которая попалась ему впервые въ руки. Онъ все время читалъ ее, открывая въ ней все новыя и новыя мысли.

На пятый или шестой вечеръ, когда гость и домохозяинъ были заняты бесѣдой, Бабъ вторично спросилъ Моллу Гусейна: «Достоинъ ли онъ быть преемникомъ Сеида Кязима?. Тогда Молла Гусеинъ, желая разъ на всегда покончить съ этимъ вопросомъ и излѣчить отъ маніи величія и излишняго самомнѣнія дерзкаго юношу, задалъ ему нѣсколько самыхъ казуистическихъ вопросовъ.

Бабъ отвѣтилъ ему на самомъ чистомъ арабскомъ языкѣ. Отвѣты его были такъ неожиданны, что ошеломили Моллу Гусеина. Желая какъ нибудь поймать Баба, Молла Гусеинъ задалъ одинъ изъ самыхъ головоломныхъ вопросовъ, вокругъ котораго часто ломали копіи шіитскіе улемы:

—Почему аятъ Іосефи-Сурреи считается самымъ чуднымъ откровеніемъ?.

Бабъ отвѣтилъ на это: «Вы этотъ же самый вопросъ задали Сеиду-Кязиму, вашему учителю, и онъ отвѣтилъ Вамъ, что не наступило время этого откровенія, но я, Сеидъ Али Магометъ, говорю вамъ: „что сегодня наступило это время». Въ нѣсколькихъ стахъ аятахъ на чистѣйшемъ арабскомъ языкѣ разъяснилъ своему смущенному

гостю, почему онъ считаетъ, что время наступило.

Послѣ рѣчи, Бабъ оставивъ своего гостя, погруженнаго въ свои мысли, пошелъ въ женскую половиину своего дома.

Когда-же черезъ два часа, вернувшись, онъ предложилъ стаканъ чаю, гость его, вставъ съ мѣста и поклонившись ему, сказалъ: «истинно, ты Богоявленіе!»

Съ этого времени онъ сталъ самымъ ревностнымъ послѣдователемъ Баба и извѣстнѣйшимъ пропагандистомъ его идей. За то, что первымъ призналъ Баба—Богоявленіемъ и за послѣдующую его дѣятельность, Моллѣ-Гусеину бабиты присвоили имя «Бабъ-эль-баба» (дверь двери).

X

Акимъ (губернаторъ) Ширза Саиби-Ихтіаръ, чтобъ пресѣчь въ корнѣ новое ученіе и пріостановить бабизмъ, приказалъ арестовать нѣкоторыхъ изъ главныхъ расколоучителей, сбрить имъ бороды и усы, снять чалмы, обмазать ихъ сажей и, посадивъ въ такомъ видѣ на ословъ лицомъ къ

Наказаніе за вѣроотступничество Въ ШИРАЗѢ

хвосту, и давъ хвосты въ руки, водить ихъ по всѣмъ базарамъ и кварталамъ Шираза, объявляя черезъ глашатаевъ вину ихъ. Приказъ акима былъ въ точности исполненъ.

Гоненія акима еще болѣе воспламенили бабитовъ, они еще смѣлѣе начали проповѣдывать свои идеи.

Намѣстникъ Испагана Мутемедъ-Довлэ Манучехръ ханъ, придворнаго званія и по происхожденію грузинъ, плѣненный и оскопленный въ дѣтствѣ персами, пригласилъ Баба на диспутъ съ Испаганскими мудштеидами. Послѣ долгихъ споровъ этотъ импровизированный духовный соборъ не пришелъ ни къ какому заключенію.

По смерти Манучехръ хана, преемникъ и племянникъ его Георгинъ ханъ, согласно приказу великаго везиря, арестовалъ Баба и отправилъ его въ Тавризъ, оттуда черезъ нѣсколько дней Баба отправили въ Маку (Макинское феодальное ханство), гдѣ и находился долгое время въ заточеніи у Макинскаго Али-хана. Али-ханъ очень уважалъ и любилъ Баба.

Хотя и правительство арестовало Баба, какъ главнаго вѣроучителя бабизма, и желало арестомъ его уничтожить ненавистную секту, но оно не только не достигло своей цѣли, а напротивъ, увеличило популярность Баба, вмѣстѣ съ тѣмъ и число его послѣдователей. Въ числѣ его послѣдователей кромѣ простого народа насчитивались уже духовныя лица и правительственные чиновники.

Вся Персія была наводнена литературой бабитовъ и энцикликами Баба. Бабъ въ теченіе своего трехлѣтняго заточенія въ Маку поддерживалъ всегда живую связь со своими послѣдователями и улемами.

Проповѣдь Баба продолжалась не долго,

всего семь лѣтъ, изъ которыхъ онъ находился три года въ заточеніи.

Въ теченіе этого короткаго времени Бабъ написалъ массу сочиненій, изъ нихъ самыя замѣчательныя: 1) Беянъ Араби (разъясненіе Суреи-Бегара) на арабскомъ языкѣ. Тоже самое на фарсидскомъ нарѣчіи, 2) Асханъ-эль-Гсасъ (исторіи и знаменія), 3) Тафсери Суріей Кефсеръ (разъясненіе Сурреи Кефсеръ), 4) Делаили Себеа (семь фактовъ), 5) Посланія къ великому везирю Гаджи Молла Агаси и улемамъ, 6) Каіюмъ-эль-Исмеа (имена), 7) Мутаферика (разное), 8) Нубуветихассе (истинное пророчество), 9) Тафсири Сурреи вкаленсъ (комментаріи).

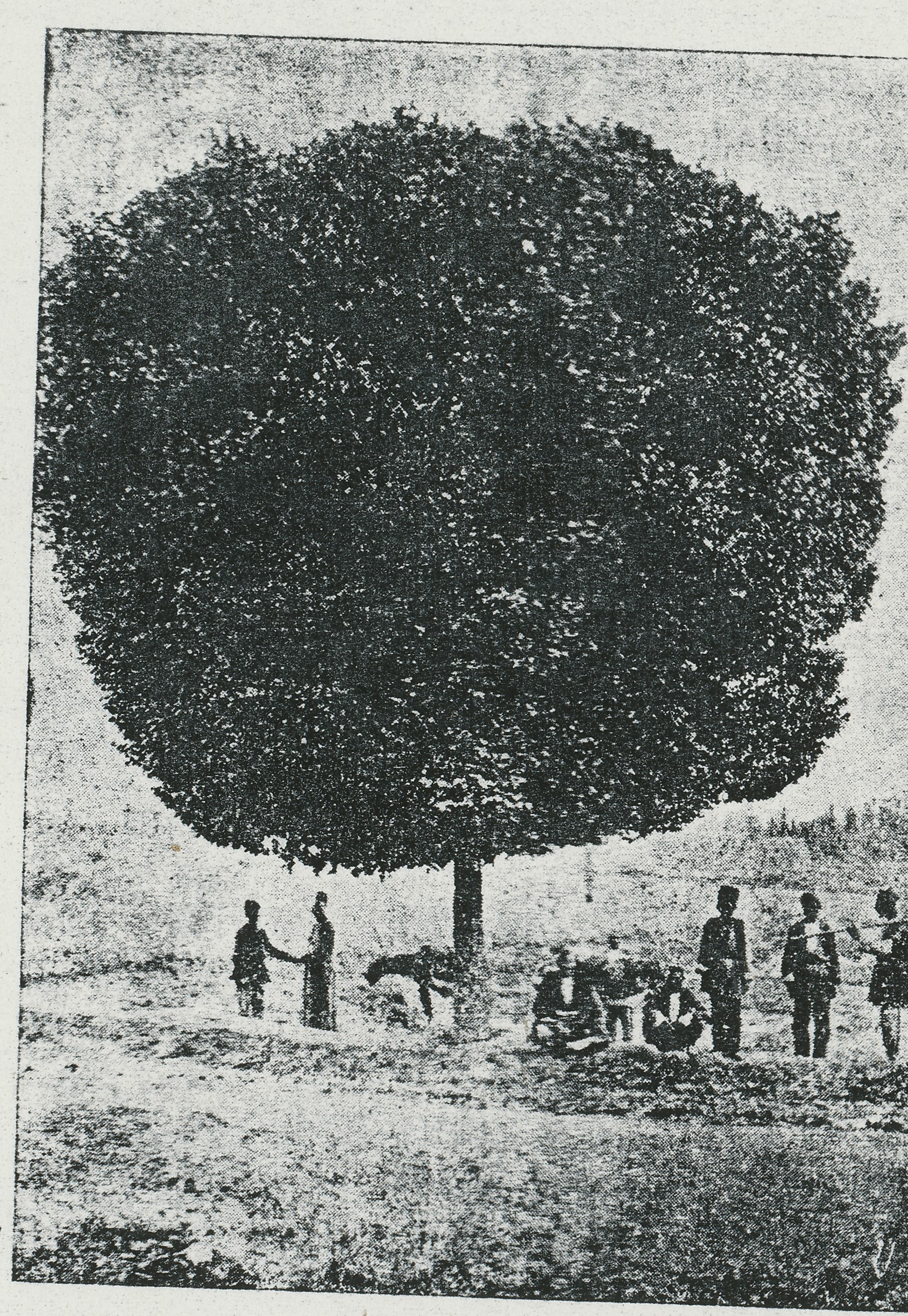
Большую часть этихъ произведеній написаны имъ во время заточенія въ Маку, откуда они распространились по всей Персіи въ безчисленныхъ рукописяхъ. Каждый персъ гордился оригиналомъ, или хотя бы копіей съ произведенія Баба. Во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ послѣдователи тайно собирались въ подвалахъ и заброшенныхъ зданіяхъ, съ жадностью читали и комментировали эти произведенія, особыми письмами просили у Баба разъясненія темныхъ и не понятныхъ мѣстъ въ произведеніяхъ его.

Онъ всегда съ готовностью отвѣчалъ на эти письма циркулярными посланіями, которыя также быстро роспространялись, какъ и всѣ его произведенія.

Хотя Баба и заточили, но перо его было свободно, и онъ умѣлъ пользоваться этимъ сильнымъ оружіемъ. Насколько увеличивали надзоръ за

нимъ, на столько росла переписка его со своими друзьями и послѣдователями.

XI.

Никакая религіозная реформа у мусульманъ не можетъ произойти безъ измѣненія внутренней общественной жизни, такъ-какъ ихъ религія очень сильно связана съ общественными устоями.

Всѣ кодексы, отношенія другъ къ другу, се-

мейной и общественной, уголовной, индивидуальной, торговой сосредоточены въ Коранѣ, шеріатѣ и въ хадисахъ имамовъ, въ этомъ сводѣ законовъ заключающемъ въ себѣ всѣ права и обязанности каждаго мусульманина. Они—законы, данные Богомъ, и никто не въ правѣ измѣнить, или переступить букву закона.

А потому, всѣ бабиты уповали, что Бабъ своимъ новымъ ученіемъ, а вмѣстѣ съ нимъ и своимъ новымъ кодексомъ разрушитъ съ самаго основанія обветшалый шеріатъ и хадиси Корана и издастъ новые законы согласно духу и потребностямъ новаго времени.

Бабъ проповѣдывалъ, что онъ тотъ Дверь откуда говоритъ Всезнающее и Всемогущее. Черезъ него извѣщаетъ Божество свои предписанія человѣчеству, такъ-какъ онъ Бабъ—(дверь) познанія.

Въ началѣ Бабъ проповѣдывалъ: что онъ—уста того, который скрылся въ Джабулгай, т. е. имамъ Мехти, отъ котораго онъ посредствомъ вдохновенія получаетъ свои наставленія для проповѣди людямъ. Послѣ же онъ проповѣдывалъ, что онъ тотъ самый, кого ожидаютъ изъ Джабулгая и, наконецъ, въ концѣ своей дѣятельности онъ уже проповѣдуетъ, что Джабулгая и ожидаемаго оттуда Мехти нѣтъ; все это—ложь и обманъ. Онъ только Предтеча того Божества, Который скоро явится на землю. Онъ посланъ Имъ подготовить людей къ встрѣчѣ Его и направить народы на путь Истины, Добра и Любви.

Проповѣдь Баба сильно тревожила шіитское

духовенство, которое боялось потерять свое положеніе. Не менѣе тревожилось и правительство во главѣ съ шахомъ, который боялся за свой тронъ, а потому, они рука объ руку старались примѣнять энергичныя мѣры къ искорененію бабизма.

Что же касается до передовой молодежи, то она старалась утилизировать въ свою пользу силу бабитовъ и съ помощью ихъ сбросить ярмо абсолютизма и, такимъ образомъ, облегчитъ хоть немного участь обездоленнаго и эксплоатируемаго хищниками ханами и грабителями чиновниками персидскаго раята крестьянства.

А потому, всѣ эксплоатируемые и недовольные существующими порядками элементы группировались вокругъ Баба и учениковъ его. Всѣмъ имъ грезилось то счастливое время, о которомъ пророчествовалъ новоявленый Пророкъ.

XII

Ревностный послѣдоватепь Баба Молла Гусеинъ Бишроискій, узнавъ о заточеніи Баба, посѣ-

Мамедъ шахъ (отецъ шаха Насръ эд-Дина)

тилъ его на мѣстѣ заключенія въ Маку. Здѣсь Моллѣ Гусеину Бабъ предсказалъ рядъ несчастій,

ожидающихъ его на пути и насильственную смерть, но отважный посѣтитель, не послушавъ Баба, двинулся въ Хорасанъ съ нѣсколькими своими приближенными.

На пути къ Хорасану Молла Гусеинъ услыхалъ о смерти шаха Махмета и, желая переждать смуту предполагаемую, рѣшилъ остаться въ Мазандаранѣ до вступленія въ Тегеранъ новаго шаха, съ воцареніемъ котораго ожидалось водвореніе нормальной жизни.

Но котда молла Гусеинъ хотѣлъ заѣхать по пути въ городъ Сари, то муджтеидъ Сеидъ-уль-Улемъ, его давнишній врагъ, не разрѣшилъ вступить въ городъ какъ его, такъ и сподвижника его Гуддуса. Причиною такой явной непріязни со стороны муджтеида былъ бабизмъ посѣтителей. Присутствіе этихъ кяфировъ-бабитовъ по мнѣнію Сеидъ-уль-Улема оскверняль городъ.

Но Молла Гусеинъ пожелалъ силой войти въ городъ.

У воротъ города ихъ встрѣтила вооруженная толпа послѣдователей муджтеида Сеида-уль-Улема, и въ первой же схваткѣ были убиты три бабита. Эти трое были первыми мучениками освятившими своей кровью ученіе Баба.

Послѣ недолгой свалки, Моллѣ Гусеину все-таки удалось ворваться въ городъ и укрѣпиться въ одномъ изъ каравансараевъ на Сабзе-Майданѣ, гдѣ и осадили ихъ сторонники муджтеида Сеида-уль-Улема.

Во время чтенія „азана“ (призыва къ мо-

литвѣ) на крышѣ каравансарая одинъ за другимъ были убиты еще трое бабитовъ.

Сильно укрѣпившись въ занятомъ каравансараѣ, бабиты оказывали упорное сопротивленіе въ теченіе 5—6 дней. Съ обѣихъ сторонъ были жертвы.

Пришлось вмѣшаться въ это дѣло акиму Шираза, пожелавшему также уничтожить бабитовъ при помощи Сеида-уль-Улема. Онъ послалъ своего представителя якобы для примѣренія враждующщхмъ сторонъ. Но дѣйствія этого двуличнаго представителя были таковы, что Молла Гусеинъ рѣшился убить его во время переговоровъ.

Положеніе Моллы Гусеина было критическое, такъ-какъ онъ этимъ убійствомъ еще вооружилъ противъ себя правительство, а занятый имъ каравансарай не представлялъ изъ себя надежнаго убѣжища, а потому, онъ сдѣлавъ удачную вылазку, вышелъ изъ каравансарая и при содѣйствіи своихъ городскихъ и сельскихъ единовѣрцевъ въ числѣ 360 чѣловѣкъ, занялъ полуразрушенную крѣпость Шейхъ-Теберси и укрепился въ ней.

Въ теченіе 9 мѣсяцевъ, правительственныя войска осаждали горсть этихъ храбрецовъ, но крѣпости взять не могли.

XIII

Почти всѣ окрестные жители сочуствовали этой горсточки храбрецовъ и многіе изъ нихъ

стали бабитами. Они по мѣрѣ силъ своихъ старались помочь своимъ единовѣрцамъ, кто чѣмъ только могъ: оружіемъ, провизіей и личнымъ трудомъ по укрѣпленіи и возведеніи крѣпости.

Въ виду этого правительство вынуждено было послать противъ нихъ большое войско. Бабиты подъ покровомъ ночи нерѣдко дѣлали смѣлыя и неожиданныя вылазки, поджигали лагерь, вмѣстѣ съ нимъ и военные припасы осаждающихъ. Перебивъ не мало солдатъ, неуловыми скрывались въ свою неприступную крѣпость.

Такое положеніе вещей не могло продолжаться долго, а потому, чтобъ уничтожить горсть ненавистныхъ бабитовъ, Сеидъ-уль-Улемъ объявилъ „Джигатъ, т. е. священную войну. Объявленіе священной войны мало помогло правительству, такъ-какъ, во-первыхъ: многіе окрестные жители имѣли друзей въ крѣпости, а во-вторыхъ: отвага бабитовъ и ихъ жестокая расправа со своими врагами, головы которыхъ украшали крѣпостныя стѣны, отбивали охоту у жителей воевать противъ сектантовъ.

Во время одной изъ своихъ удачныхъ вылазокъ бабиты ворвались въ городъ Сари и подожгли дворецъ Шахъ-Заде (принца), въ пламени котораго сгорѣлъ принцъ.

Безсильное правительство не зная какъ поступить съ горстью дерзкихъ мятежниковъ увеличивалъ только болѣе и болѣе свои войска и безрезультатно обстрѣливалъ крѣпость.

Однажеы ночью, шальная пуля главнокомандующаго войсками Абасъ-Кули, хана Мазандарин-

ослабѣвшие тѣломъ, но не духомъ, геройски сопротивлялись до тѣхъ поръ, пока Шахъ-Заде Мехти Кули Мирза былъ вынужденъ вступить въ переговоры съ Гуддусомъ.

Гуддусъ выговорилъ себѣ и своимъ единовѣрцамъ свободный выходъ изъ крѣпости и пропускъ въ Багдадъ.

Шахъ-Заде Мехти Кули Мирза свято обѣщался исполнить это условіе, даже поклялся на Коранѣ.

Бабиты послѣ девятимѣсячной отважной борьбы, довѣрившись клятвѣ, сдались и, сложивъ оружіе, собрались въ Багдадъ.

Однако, вѣроломный Мехти Кули Мирза, вопреки своимъ клятвамъ, во время ужина, напалъ на безоруженныхъ бабитовъ и перебилъ почти всѣхъ.

Изъ 360 человѣкъ спаслись только 16, которые распространили по всей Персіи эпизоды этой неравной борьбы. Шахъ-Заде Мехти Кули за 1000 тумановъ продалъ Гуддуса заклятому врагу его Сеиду-уль-Улему, который послѣ долгихъ пытокъ, приказалъ изрубить Гуддуса, а тѣло его бросить собакамъ.

Событія эти произошли осенью 1849 года.

Борьба эта кромѣ хлопотъ и тревогъ ничего не дала жадному до пэшкешовъ и корыстолюбивому персидскому чиновничеству, такъ-какъ въ крѣпости заперлись только простой народъ и улемы, которые не имѣли абсолютно никакого имущества, не было даже женщинъ и дѣтей, чтобъ увести ихъ въ плѣнъ для продажи.

Не то было въ Нейризѣ, гдѣ нашелъ себѣ убѣжище другой извѣстный бабитъ Мирза Яхіа Тараби. Сеидъ Мирза Яхіа, подвергаясь сильному гоненію въ Испаганѣ, Яздѣ и въ Ширазѣ, избралъ себѣ для жительства Нейризъ, гдѣ и поселился со своей семьей и приверженцами.

Гдѣ бы онъ не показывался, всегда осыпали его оскорбленіями, плевали въ лицо, поносили его какъ отступника истинной религіи, даже замышляли убить его. Преслѣдуемый всюду врагами, онъ говорилъ: „Вѣдь я тотъ же извѣстный муджтеидъ, предъ которымъ еще вчера въ Иранѣ всѣ преклонялись, зачѣмъ же теперь вы преслѣдуете меня и не даете отдохнуть въ кругу моей семьи“.

Онъ имѣлъ много послѣдователей въ Нейризѣ, а потому враги его: духовенство мутешеритовъ, правительство не осмѣливались поднять руку на него, боясь народной смуты; ненависть же ихъ увеличивалась съ каждымъ днемъ.

У персидскаго правительства въ свѣжей памяти были Мазандаринскія событія, а потому оно боялось повтореній репрессивныхъ мѣръ, но втихомолку старалось искоренить бабизмъ. Желая якобы уничтожить смуту въ странѣ, акимъ провинціи пригласилъ къ себѣ на диспутъ Мирзу Яхіа и муджтеидовъ мутешери. Когда собрались на диспутъ, акимъ, несмотря на свои клятвы на Коранѣ, не отпустилъ Мирзу Яхіа невредимымъ, а арестовалъ его.

Какъ только бабиты узнали объ арестѣ сво-

его любимаго учителя, то сейчасъ же окружили домъ вѣроломнаго акима и съ оружіемъ въ рукахъ потребовали освобожденія, въ противномъ случаѣ грозили разнести домъ его и силой освободить Мирзу Яхіа. Акимъ, боясь вооруженной толпы, пообѣщалъ и вторично поклялся на Коранѣ освободить Мирзу Яхіа Тараби. Но народъ уже не повѣрилъ ему. Тогда самъ Мирза Яхіа успокоилъ толпу и потребовалъ разойтись. Покорная его слову толпа успокоившись разошлась.

Въ ту же ночь по приказу акима Мирза Яхіа былъ умерщвленъ въ тюрьмѣ, и всѣ главари бабитовъ арестованы. Многіе изъ нихъ были убиты, или казнены, имущество ихъ разграблено и разрушено, а жены и дѣти уведены въ плѣнъ для продажи.

Началось сильное гоненіе противъ бабитовъ. Гонимые бабиты ушли въ горы, гдѣ въ теченіи двухъ лѣтъ упорно защищались противъ правительства. Наступило золотое время для продажнаго персидскаго чиновничества, духовенства и солдачества, которыя пользуясь случаемъ грабили и убивали не только беззащитныхъ бабитовъ, но и правовѣрныхъ шіитовъ, если подозрѣвали ихъ въ сочувствіи къ бабитамъ. Плачъ и стонъ стоялъ по всей провинціи.

XV

Борьба была до того ожесточена, что прави-

тельство было вынуждено отправить до 10,000 войска съ артиллеріей и кавалеріей, которыя преслѣдуя укрѣпившихся въ горахъ бабитовъ, вынуждены были бомбардировать неприступныя ущелья и скалы.

Бабиты, пользуясь удобными случаями и неприступностью своихъ позицій, часто спускались съ горъ и смѣлыми набѣгами уничтожали отряды войскъ, военные припасы, отбивали оружіе, пушки и, снова поднявшись на горы, продолжали громить войска ихъ же орудіями.

Сражающіеся бабиты не превышали и 700 человѣкъ; однако, своими смѣлыми набѣгами бабиты такъ ошеломили главнокомандующаго войсками Ферманъ-Ферма, что тотъ потерялъ голову и не зналъ какъ подавить мятежъ.

Что не могъ сдѣлать Ферманъ-Ферма, то довершили голодъ и холодъ. Страданія женщинъ и дѣтей заставили бабитовъ уступить и довѣриться персидскому военноначальнику. Послѣдній же по изъявленіи покорности бабитовъ предалъ мученической смерти всѣхъ главарей движенія, а остальныхъ выселилъ во всѣ города Персіи. Что же касается дѣтей и женъ, то по обычаю были уведены въ плѣнъ для продажи, какъ военная добыча.

«Побѣдоносное» персидское воинство несло на пикахъ отрубленныя головы отверженныхъ бабитовъ; несчастныя же жены и дѣти, павшихъ борцовъ за вѣру, должны были удовлетворить животныя страсти своихъ враговъ.

Цѣлыхъ 10—20 лѣтъ для каждаго чиновника,

XVII

Въ маѣ 1850 года акимъ Зенджана Амиръ Асланъ ханъ черезъ глашатаевъ объявилъ приказъ

Бабитка «Рустемъ-Али» Зенджанская героиня

объ отдѣленіи шіитовъ. Городъ раздѣлился на два

враждующихъ лагеря, по одной сторонѣ рѣки стали шіиты, а по другой бабиты.

Поднялся братъ на брата и отецъ на сына, не разбирались родственныя чувства, здѣсь были только единовѣрцы и противники ихъ.

Шіиты, вооруженные ружьями, пиками и палками, начали наступать на бабитовъ; бабиты, умудренные опытомъ по примѣру мазандаранскихъ единомышленниковъ заняли развалины крѣпости Али-Марданъ ханъ, возстановили ея полуразрушенныя стѣны и бойницы, сильно уклѣпились въ ней, оказывая упорное сопротивленіе какъ войскамъ акима, такъ и шіитамъ, поднявшимъ знамя «Джихата».

Народъ нехотя шелъ воевать противъ бабитовъ, этому способствовало и то упорное сопротивленіе, которое оказывали бабиты. Къ ропоту народа примкнули также нѣкоторые военноначальники, говоря:

„Мы уподобляемся тому измѣннику Шимра, который шелъ на потомковъ Великаго Пророка, съ оружіемъ въ рукахъ, а мы такъ же какъ и онъ идемъ на своихъ братьевъ и родственниковъ".

Правительство нехотѣло видѣть и слышать о недовольствѣ народа. Военноначальниковъ оно смѣняло, а недовольныхъ наказывало безпощадно. Оно пожертвовало бы всѣмъ, лишь бы вырвать съ корнемъ это ученіе.

Самыми безжалостными палачами были чины Герусскаго полка, которые не разбирая ни пола

ни возраста звѣрски избивали какъ бабитовъ, такъ и ропчущихъ.

Бабиты были убѣждены, что имущество ихъ будетъ разграблено, жены и дѣти будутъ уведены вь плѣнъ и проданы, а они сами истреблены до послѣдняго человѣка, а потому въ теченіе девяти мѣсяцевъ отчаянно защищались, не уступая пяди земли непріятелю. Все свое имущество и жизненные припасы они сложили въ одно общее мѣсто, и каждый бабитъ пользовался изъ общаго имушества, все было общимъ достояніемъ, и всѣ думали объ общихъ интересахъ, все было принесено въ жертву общаго дѣла.

Даже женщины не хотѣли отстать отъ мужчинъ, такъ было сильно общее воодушевльніе, онѣ не только приготовляли пищу, или перевязывали раненыхъ, но и помогали въ работахъ по возведенію крѣпости и участвовали въ рядахъ сражающихся мужчинъ, переодѣваясь въ мужское платье.

Зенджанъ также имѣлъ свою Іоанну Д'Аркъ, которую называли мужскимъ именемъ Рустемъ-Али. Послѣдняя съ такимъ геройствомъ сражалась противъ шиитовъ, такъ мѣтко стрѣляла и наводила такой ужасъ, что одно ее появленіе заставляло шиитовъ обратиться въ бѣгство.

Въ особенности ее боялись сарбазы Герус-

скаго полка, которымъ она жестоко мстила, за ихъ безжалостность.

Вабитка «Рустемъ-Али» Зенджанская героиня

Къ сожалѣнію она вскорѣ была убита шальною пулею.

XVIII

Однако, число борцовъ увеличивалось все новыми и новыми приверженцами Баба, между тѣмъ боевыя качества персидскаго воинства были ниже всякой критики. Правительство должно было притянуть не менѣе 30,000 сарбазовъ при 19 орудіяхъ. Въ войскахъ участвовала также конница, полудикихъ курдовъ: Карадахцевъ и Авшарцевъ, которые безчинствовали грабя и сжигали имущество мирныхъ жителей.

Что не могло сдѣлать войско, то сдѣлала природа. Наступившая холодная горная зима, истощеніе запасовъ, разорвавшаяся бомба, осколками которой былъ убитъ предводитель бабитовъ Геоджатъ—все это, наконецъ, сломило упорное сопротивленіе бабитовъ. Бабиты впали въ уныніе, число борцовъ уменьшилось, съ 1800 ч. осталось не болѣе половины, многіе изъ нихъ пали послѣ храброй защиты.

Видя такое критическое положеніе, бабиты вступили въ переговоры съ зенджанскимъ акимомъ и съ командующимъ войсками.

Тѣ обѣшали и поклялись на Коранѣ дать полную амнистію бабитамъ, говоря, что имъ нужно было только наказать Геоджата, но такъ-какъ его покарала Божья Кара, а потому они милуютъ ихъ съ условіемъ, чтобъ бабиты сложили оружіе.

Хотя бабиты и были увѣрены, что акимъ по обычаю персидскихъ сановниковъ и не сдержитъ

своей клятвы, но положеніе было безвыходное. Бабиты сдались и сложили оружіе.

Вволю натѣшились шиты надъ беззащитными бабитами, предавали ихъ самымъ утонченнымъ пыткамъ, какія только можетъ измыслить развратная, фанатичная фантазія перса.

Не разбирая ни пола, ни возраста, насилуя, избивали, жгли на медленномъ огнѣ, сажали на колъ, какъ бы упиваясь стонами своихъ жертвъ.

Многія дѣти, женщины и дѣвушки нашедшія убѣжище у зенджанскаго муджтеида, какъ у главы духовенства, были раздѣты, ограблены имъ и почти нагими высланы для продажи въ Ширазъ.

Все имущество бабитовъ было разграблено и разгромлено.

XIX

Произведенія Баба уже проникли въ палаты Шахнъ-Шаха и тревожили покой повелителя Ирана, великій же визирь Гаджи Мирза Агаси, раздраженный Мазандаринскими и Зенджанскими событіями, послалъ въ Тавризъ строжайшій приказъ объ удаленіи Баба изъ Тавриза въ Чехрикъ и передачѣ курдскимъ бекамъ, для установленія надзора за нимъ.

Но обаяніе Баба было такъ велико, его краснорѣчіе такъ обворожило притѣсненныхъ и униженныхъ восточнымъ деспотизмомъ, что послѣдніе душой и тѣломъ принадлежали ему. Имъ грезилось, что дѣйствительно въ скоромъ будущемъ наступитъ царство любви къ ближнему, братство

и равенство всѣхъ народовъ и, наконецъ, появится на землѣ Богъ.

А потому, всѣ окружающіе его, начиная съ Урмійскаго акима и коменданта крѣпости Чехрика, кончая послѣднимъ служащимъ, съ любовью относились къ новоявленному Пророку, уповая, что днемъ раньше наступитъ исполненіе его пророчества.

Слава Баба достигла до Индіи, откуда приходили паломники послушать проповѣдь и откровенія изъ устъ новоявленнаго пророка.

Надзоръ со стороны правительства былъ строгъ, а корыстолюбіе чиновниковъ не знало границъ. Чиновники обратили въ доходную статью заточеніе Баба и извлекали изъ этого немало выгоды, отъ желающихъ видѣть Пророка. Такъ напримѣръ, два индуса, одинъ сеидъ, а другой дервишъ, пришли изъ Индіи спеціально послушать Баба, но такъ-какъ они не могли удовлетворить стражу «пэшкешемъ», то одинъ изъ нихъ былъ замученъ до смерти, а другому удалось спастись только бѣгствомъ.

Страхъ же великаго визиря такъ усиливался, что съ каждой почтой онъ писалъ Урмійскому акиму и напоминалъ о неустанномъ его наблюденіи и даже о тайномъ покушеніи на его жизнь.

XX

Наконецъ, дѣло дошло до того, что Гаджи Мирза Агаси принужденъ былъ издать новый указъ

о высылкѣ Баба въ Тавризъ для преданіи суду. Судъ долженъ былъ исполнить простыя судебныхъ формальности и приговорить его къ смерти.

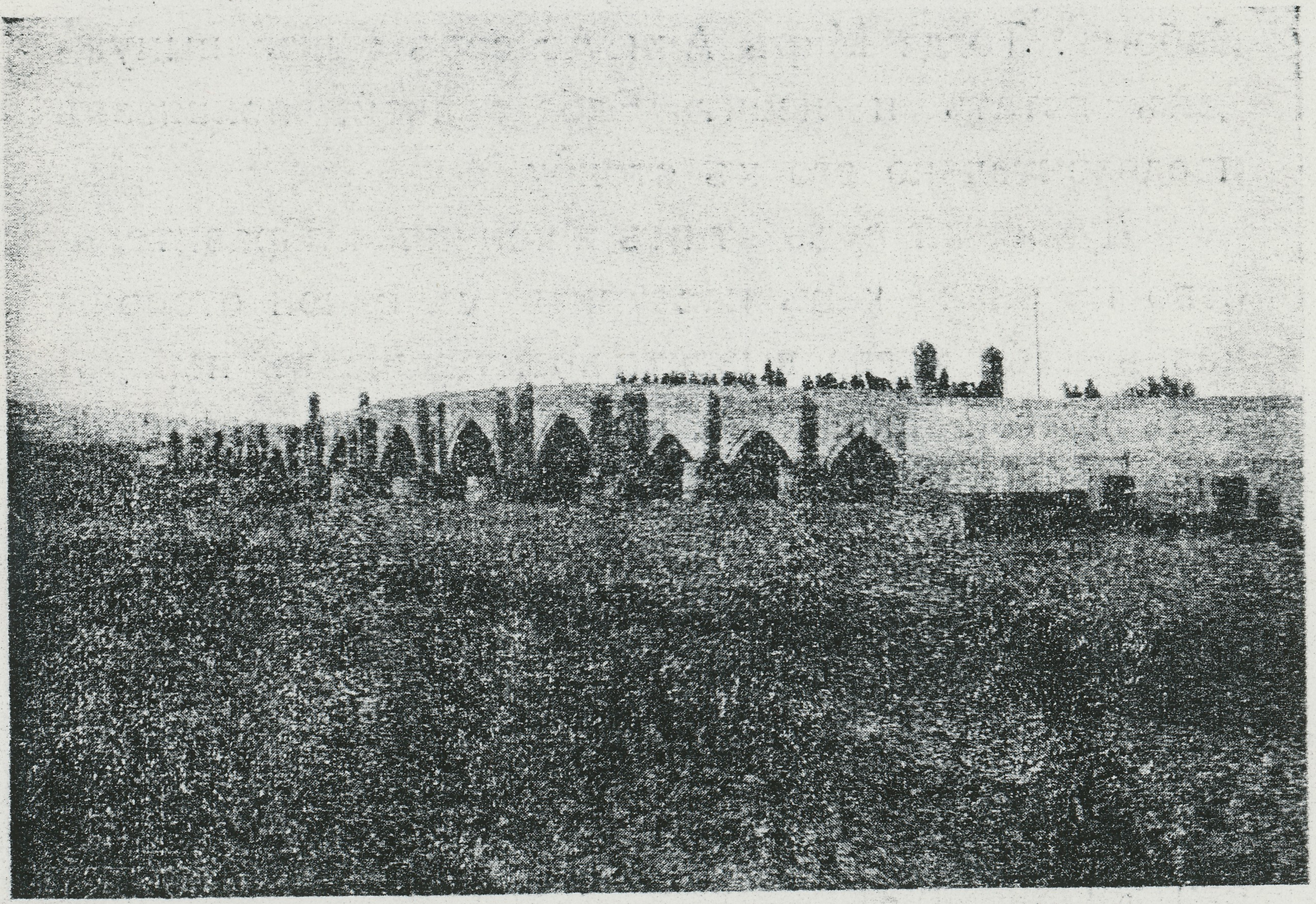
Великій визирь Гаджи Мирза Агаси

Согласно приказу великаго визиря, Баба перевезли въ Тавризъ, но правительство безъ санк-

ціи всесильнаго шіитскаго духовенства не могло совершить казнь такого знаменитаго проповѣдника, вдобавокъ потомка Али. Духовенство же мутешеритовъ умыло руки и не желало вмѣшиваться въ это дѣло.

Положеніе визиря было критическое. Ища поддержки, великій визирь въ отчаяніи прибѣгнулъ къ помощи муджтеидовъ секты шейхитовъ, которые стали заклятыми врагами Баба съ того времени, когда 18 улемовъ отпали отъ нихъ и признали Баба посланцемъ Неба.

Бабъ былъ вызванъ на духовный судъ извѣст-

нымъ муджтеидомъ шейхитовъ Миръ Али Аскеаръ Шейхъ-уль Исламъ къ себѣ на домъ.

Когда Бабъ вошелъ, для котораго даже не было отведено мѣсто для сидѣнія, поклонился всѣмъ и присѣлъ на порогъ дверей, то Миръ Али Аскеаръ спросилъ его:

— Кто ты такой?.

Бабъ смѣло отвѣтилъ ему: „Я—дверь, чрезъ которую Богъ извѣщаетъ міру свои откровенія и тотъ котораго ждутъ мусульмане, т. е. Мехти“.

Раздраженный этимъ отвѣтомъ Миръ Али Аскеаръ приказалъ бить его по губамъ за богохульство, но никто изъ окружающихъ его людей, или фаррашей не осмѣлился исполнить его приказъ, такъ былъ силенъ суевѣрный страхъ предъ Бабомъ. Тогда Миръ Али Аскеаръ былъ вынужденъ встать и избить Баба палкой, привязавъ предварительно его къ столбу.

Духовный судъ этимъ и кончился. Правительство не знало какъ поступить, съ одной стороны казнь Баба могла вызвать возмущеніе въ народѣ, а съ другой проповѣди Баба ослабляли свѣтскую власть шаховъ.

Бабъ вторично былъ посланъ въ Чехрикъ на заточеніе.

XXI

Бабъ былъ очень популяренъ въ Персіи. О его жизни, дѣятельности и творимыхъ чудесахъ по нынѣ ходитъ такая масса разсказовъ, что невольно даже скептику приходится вѣрить о какой-то сверхъестественной силѣ Баба.

Согласно приказамъ великаго визиря, Баба перевозили всегда тайно изъ Испагана въ Маку. Тавризъ и обратно, но народъ какъ-то заранѣе узнавалъ о передвиженіяхъ и по пути его слѣдованія всегда окружалъ его густой толпой со своими больными и калѣками, прося у Баба исцѣленія. Многіе изъ его почитателей, подвергаясь опасности, платили крупные пэшкеши стражѣ Баба, чтобы хоть немного облегчить участь арестованнаго, или же доставить Бабу провизію и одежду.

Многіе вліятельные друзья предлагали устроить ему побѣгъ изъ мѣста заточенія, наконецъ, если это не удастся, то отбить его силой. Но Бабъ отклонялъ всѣ эти предложенія, не желая сопротивляться злу.

Въ окрестностяхъ Маку и въ деревняхъ еще до сихъ поръ какъ святыню хранятъ въ бутылкахъ воду, которой мылся Бабъ. Воду эту считаютъ цѣлебнымъ средствомъ противъ разныхъ болѣзней и въ трудныя минуты даютъ больному пить ее для исцѣленія.

Очевидцы разсказываютъ о нѣкоторыхъ чудесахъ творимыхъ имъ. Когда провозили его черезъ провинцію Хой, то по дорогѣ остановилъ его одинъ старикъ, слезно умоляя помочь своему горю, исцѣлить его единственную дочь, которая лежала при смерти.

Бабъ попросилъ стаканъ воды, отпивъ половину, передалъ старику со слѣдующими словами: „Я попросилъ Всевышняго помочь твоему горю, передай стаканъ своей дочери, пусть выпьетъ и

исцѣлится“. Передаютъ за достовѣрный фактъ, что дочь старика исцѣлилась.

Дочь извѣстнаго хойскаго муджтеида Молла Искяндара заболѣла чахоткой, стороннымъ путемъ просятъ Баба исцѣлить ее.

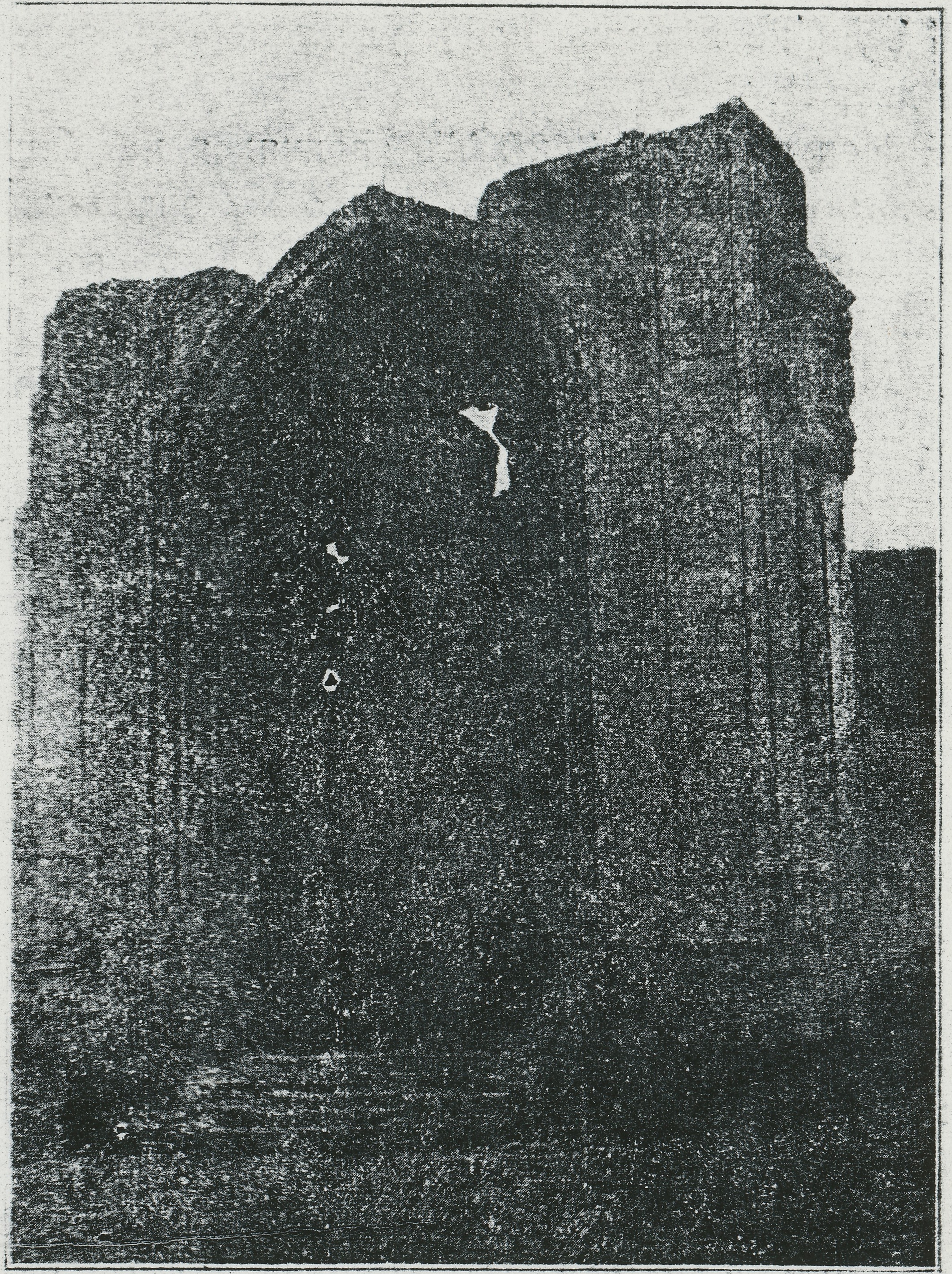
Бабъ, не найдя что передать больной, снялъ съ головы „арахчинъ“ изъ бумажной матеріи (головной уборъ), помолившись передалъ его посланцамъ муджтеида и приказалъ надѣть на голову больной. Она тотчасъ же исцѣлилась. „Арахчинъ“ этотъ по сей день хранится у макинцевъ, какъ святыня и его надѣваютъ на головы трудно-больныхъ.

А вотъ еще случай: въ бытность Баба въ крѣпости Чехрикѣ 4 курдскихъ бека, наслышавшись о святости и чудесахъ „Газратъ Саабы“ (такъ называли курды Баба), собрались къ нему на поклоненіе. Не пройдя еще 4—5 „фарсаховъ“ (фарсахъ 6 верст.), сильно устали, зашли въ ближайшій карвансарай отдохнуть. Тутъ они думали, какъ продолжать путь. Но вотъ подъѣзжаютъ три верховыхъ курда, ведя подъ уздцы 4 осѣдланныхъ лошадей и говорятъ:

—«Газратъ Саабы» послалъ этихъ лошадей для васъ, зная что вы устали, не можете добраться до него. Изумленные и обрадованные паломники садятся на лошадей и ѣдутъ дальше.

Четвертый самый характерный случай. Однажды рано утромъ макинскій ханъ Али по своему обыкновенію дѣлалъ утренній смотръ крѣпости, а оттуда онъ направился къ башнѣ, гдѣ былъ заключенъ Бабъ.

Не дойдя до башни, онъ въ изумленіи остановился. Что же онъ видитъ? Плѣнникъ, вышедши изъ своихъ оковъ, спокойно сидѣлъ у ручья и

умывался. Замѣтя испуганное лицо у своего тюремщика, онъ сказалъ ему: „Не бойся ты меня, отъ меня не будетъ тебѣ никакого вреда, сегодня я вышелъ изъ мѣста заточенія лишь для того,

чтобъ воочію доказать тебѣ и твоему деспоту, что никакія оковы, или замки, если я захочу, не удержатъ меня; сидя въ заточеніи и подвергаясь мученіямъ, я только исполняю волю Пославшаго меня, если не вѣришь, иди и удостовѣрься, заперты ли двери".

Испуганный Али-ханъ поднялся на башню, гдѣ былъ заточенъ Бабъ, и что же онъ видитъ: всѣ часовые на своихъ мѣстахъ, а Бабъ въ темницѣ, закованный въ кандалахъ.

Массу подобныхъ фактовъ разсказываютъ про Баба.

Одинъ изъ самыхъ любимыхъ учениковъ Баба, Сеидъ Мехти собралъ въ одну книгу случаи всѣхъ чудесъ, числомъ до 3000 и принесъ прочесть эту книгу своему учителю въ Чехрикъ. Бабъ попросилъ прочесть всю книгу, и когда тотъ окончилъ, Бабъ сказалъ ему:

—Мнѣ очень и очень жаль твоихъ работъ, вѣдь не мало положилъ ты труда, чтобъ собрать все это и написать, но твои труды должны пропасть даромъ, иди, бери воду и отмой бумагу отъ чернилъ, хоть бумага пригодится! Я знаю, что ты моимъ приказаніемъ останешься недовольнымъ, но я говорю тебѣ: исполни его, ибо я не пришелъ творить чудеса! Творить чудо выше моихъ слабыхъ силъ, и это дѣло Всевышняго, ты только заставишь сомнѣваться въ правдивости твоей книги и вызовешь сомнѣніе между вѣрующими. Мое право, только мои уста, чѣмъ я только проповѣдую Божье Слово, мои послѣдователи должны вѣрить только моимъ словамъ и написанному мною;

время чудесъ прошло, наступило время разума.

Теперь только царство идеи, а потому прошу тебя пойти и отмыть чернила съ бумаги, чтобъ она пригодилась на что-нибудь болѣе разумное.

XXII

По восшествіи на престолъ, шахъ Насръ-эд-Динъ, желая разъ навсегда прекратить смуты въ странѣ, послалъ строжайшій приказъ со спеціально назначеннымъ сановникомъ въ Тавризъ, чтобъ разслѣдовать дѣянія Баба и приговорить его къ смерти, такимъ образомъ, прекратить смуты въ странѣ и положить конецъ проповѣдямъ Баба.

Шахъ Насръ-эд-Динъ

Баба опять привезли въ Тавризъ. Духовенство «мутешери» заупрямилось, не желая вмѣшиваться въ такой грязный процессъ, гдѣ будутъ судить и казнить невиннаго потомка Али и Фатьмы.

Намѣстникъ Азербейджана Шахъ Заде Гамза Мирза подобно Пилату умылъ руки въ этомъ дѣлѣ, говоря: «Я не замѣчаю въ дѣяніяхъ этого человѣка какой-либо грѣхъ, онъ невиненъ»!

Глава духовенства шейхитовъ, Молла Магометъ Мамаганскій, чтобъ угодить правительству и втереться въ его довѣріе, избавиться отъ преслѣдованія духовенства мутешери и, чтобы создать себѣ привиллегированное положеніе и своимъ послѣдователямъ, въ совѣщаніи со своими единомышленниками муджтеидами вынесъ слѣдующее рѣшеніе: «Въ виду того, что Сеидъ Али Магометъ требовалъ отъ народа о признаніи его за Мехти, что онъ Бабъ (Дверь) истины, о чемъ онъ проповѣдывалъ какъ устно, такъ и письменно, и такъ-какъ его проповѣдь—прямая ложь, а потому, онъ достоинъ смерти».

Въ 1850 году, 27-го іюля, (28 шабанъ 1266 геджры) рано утромъ согласно приговору шейхитовъ, Баба и его ученика Мирзы Магомета Али Тавризскаго привѣсили на крѣпостной стѣнѣ Тавриза для растрѣла, на верху—Баба, а у ногъ его ученика.

Дали залпъ. Ни одна пуля айсорскихъ солдатъ не попала въ нихъ. Веревки оборвались, и привѣшенные упали на землю. Палачи подняли ихъ съ земли и вторично привѣсили, предварительно сбивъ съ головы ихъ зеленыя чалмы (зеленый цвѣтъ присвоенъ только сеидамъ— потомкамъ Магомета и Али) приговоривая: «Васъ спасли отъ нашихъ пуль ваши чалмы». Вторично былъ данъ залпъ сарбазами Хасскаго полка.

Второй залпъ былъ удачнѣе перваго. Три пули попали прямо въ сердце Баба и нѣсколько пуль въ грудь ученика его. Они были мертвы. Событіе это произошло на седьмомъ году пропо-

вѣдничества Баба. Вечеромъ того же дня русскій консулъ въ Тавризѣ, Ханиковъ срисовалъ трупы казненныхъ проповѣдниковъ. По обычаю Востока

Казнь «Баба»
Единственный портретъ у автора,
въ Александрополѣ.

трупы казненныхъ въ назиданіе другихъ должны были лежать нѣсколько дней на мѣстѣ казни.

XXIII

На третій день придворный Гаджи Мирза Сулейманъ ханъ уложилъ въ ящикъ останки Баба, его ученика и увезъ ихъ.

Долго путешествовали эти останки по разнымъ городамъ Ирана и, наконецъ, были похоронены въ Акрѣ, на склонѣ горы Кармель.

Надъ могилой Баба возвышается чудный, но до сихъ поръ не достроенный, мавзолей и мечеть.

Вмѣстѣ съ Бабомъ были также арестованы двое его любимыхъ учениковъ, отрекшихся по приказанію Баба, отъ него. За это отступничество они были помилованы и отпущены на свободу. Согласно послѣдней волѣ Баба, они собрали всѣ рукописи и книги своего учителя перевезли въ Тегеранъ для передачи бабиту Беха. Книги эти подобно останкамъ Баба, также долго путешествовали, онѣ попали сначала въ Багдадъ, потомъ Константинополь, Адріанополь и, наконецъ, въ Акръ.

Младшій братъ Беха Эзели, который былъ также заточенъ на островѣ Кипрѣ, попросилъ прислать ему эти книги. Братъ исполнилъ его просьбу.

Смолкли уста Баба, перо выпало изъ его рукъ, но ученіе его не погибло. Произведенія Баба разошлись, по угламъ, закоулкамъ всего Ирана и Турана въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ.

Ученики его смѣло и открыто не боясь каз-

ней проповѣдывали угнетеннымъ и униженнымъ Новое Слово Баба.

XXIV

Сеидъ Али Магометъ — Бабъ имѣлъ отъ природы пытливый и острый критическій умъ.

По разсказамъ матери и дяди, въ юношествѣ Бабъ подобно Сократу имѣлъ привычку незамѣтно для себя долго и неподвижно сидѣть, погрузившись въ свои мысли и устремивъ свой взглядъ на одну точку. Долго и безплодно онъ блуждалъ мыслями въ томъ воображаемомъ мірѣ, откуда долженъ былъ явиться долгожданный Мехти со своей многочисленной семьей.

Но какъ видно паломничество въ Карбалай на него имѣло очень сильное вліяніе и видѣнное тамъ вернуло его къ дѣйствительности изъ міра грезъ. Еще болѣе сильное вліяніе имѣло второе паломничество его въ Мекку, съ его мусульманской святыней—мечетью Кааба. Вернувшись съ этихъ паломничествъ, онъ задумалъ уничтожить въ шіизмѣ культъ обоготворенія человѣка, какъ противное основнымъ догмамъ Корана.

Онъ очень большое значеніе придавалъ своему призванію, сознавая что ему выпала доля— вести человѣчество по тому пути добра, по которому люди обрѣтутъ тотъ рай, къ которой такъ безплодно стремились всѣ пророки до него.

Есть много фактовъ тому, что онъ будто имѣлъ даръ прозорливости и чтенія чужихъ мыслей,

гипнотизировать людей своимъ голосомъ. Всѣ эти природныя способности онъ считалъ Атомомъ Божественности (Нугдеи Уллахъ), а потому, считая себя одареннымъ Свыше, онъ проповѣдывалъ, что является избранникомъ Аллаха.

Молла Гусеинъ Бишроискій, будучи чуднымъ проповѣдникомъ не сумѣлъ, однако, произнести въ мечети Шираза ни одного слова. Онъ не могъ сказать свою проповѣдь лишь потому, что присутствіе Баба въ мечети, по словамъ того-же Гусеина, приводило въ смущеніе и какъ бы загипнотизировало его.

Вообще, личность Баба была такъ обаятельна, и онъ имѣлъ такое сильное вліяніе на окружающихъ его людей, что самые ярые религіозные противники его шіитскіе улемы, послѣ недолгаго спора, всегда слѣдовали за нимъ и становились самыми ревностными бабитами.

Вся персидская знать тайно преклонялась предъ нимъ. Слава его какъ Пророка новыхъ откровеній гремѣла отъ Ефрата до Ганга. Взоръ его былъ такъ неотразимъ, что люди съ самой сильной волей не осмѣливались смотрѣть ему въ глаза, примѣръ тому, что никто не дерзалъ поднять на него руку, когда этого требовалъ Мирза Агаси (великій визирь).

Многіе знатные персы, какъ напримѣръ, придворный шаха Сулейманъ ханъ, не желая измѣнить Бабу, пошелъ на мученія и смерть.

Вообще есть много загадочнаго въ жизни и дѣятельности этого великаго религіознаго реформатора Персіи.

XXV

Гоненія на бабитовъ продолжались и послѣ казни Баба. Всякое преступленіе считалось дѣломъ, или кознями бабитовъ; лучшаго орудія, кромѣ этого, не могло быть для выжиманія соковъ съ народа въ рукахъ взяточниковъ чиновниковъ и жаднаго шіитскаго духовенства. Каждое преступленіе, каждый проступокъ правительство, подобно Нерону, приписывало бабитамъ, ежедневно усугубляя жестокости и мученія несчастныхъ. Одной изъ замѣчательныхъ послѣдовательницъ муджтеида Гаджи Сеида Кязима Рештскаго была его ученица Захре Ханума, прозванная «Нуретъ-уль-Эйнъ» (свѣтъ ока), за ея талантъ, краснорѣчіе и острый умъ.

Захре-Ханума своими познаніями снискала себѣ такое уваженіе всего шіитскаго духовенства, какъ въ Иранѣ, такъ и въ Иракъ-Араби, что стала не менѣе знаменитой чѣмъ ея учитель.

Слѣдуя примѣру своего учителя, она читала лекціи по богословіи въ Кербалаѣ своимъ послѣдователямъ. Аудиторія ея была полна всегда „талабами", обожавшими ее. Боясь ея популярности, турецкое правительство, придравшись къ чему-то, приказало оставитъ Кербалай, и она была вынуждена исполнить это требованіе.

Оставивъ Кербалай, Захре-Ханума рѣшила продолжать свои лекціи и проповѣди въ Тегеранѣ, но отецъ ея извѣстный муджтеидъ Молла Салехъ Казвинскій воспротивился желанію дочери, и она должна была покориться. Принадлежа къ толпу

шейхитовъ, она часто сталкивалась съ родными, признаваемыми иснаашари, вступала въ религіоз-

Тахирэ читаетъ лекцію по богословіи талабамъ (студентамъ) въ Кербалаѣ.

ные споры и почти всегда выходила побѣдительницей, благодаря своему краснорѣчію и хорошему

знанію казуистики шіитовъ. Захре-Ханума слишкомъ рано была выдана замужъ за двоюроднаго брата, котораго она не любила и не уважала, а потому жила отдѣльно отъ мужа.

Вотъ почему домъ отца обратился въ адъ, откуда она стремилась вырваться на свободу.

Единственнымъ утѣшеніемъ ея въ дни печали была связь со своими единовѣрцами—шейхитами съ которыми вела дѣятельную переписку. Они снабжали ей текущей литературой своей секты, книгами и т. п. Тутъ попались въ ея руки нѣкоторыя произведенія Баба. Заинтересовавшись новымъ ученіемъ, она пріобрѣла всѣ произведенія Баба, начала усердно изучать ихъ и сдѣлалась самой ревностной послѣдовательницей Баба. Ей удалось разъ видѣть въ Кербалаѣ юношу Баба, но случай этотъ не далъ возможности близко познакомиться съ нимъ. Когда Бабъ-эль-Бабъ-бишпроецъ поѣхалъ изъ Мазандары въ Ширазъ провѣдать Баба, Захре Ханума попросила передать ему свои догмы, а сама начала энергично проповѣдывать бабизмъ. Въ отвѣтѣ на свое посланіе она получила отъ Баба письмо, гдѣ Пророкъ величалъ ее титуломъ Тахире (обиліе). Съ тѣхъ поръ они сдружились, и между ними завезалась постоянная переписка.

Произведеніями Тахире интересовались не только ея послѣдователи, но и всѣ шіиты.

Большою популярностью пользовались ея поэтическія произведенія за ихъ изящный и красивый языкъ.

XXVI

Ставъ бабиткой, Тахире еще болѣе обострила свои отношенія съ родными, которые всячески поносили несчастную женщину, и она не знала, какъ поступить и какъ вырваться изъ этого униженнаго положенія.

Отецъ Тахире былъ сильно раздраженъ дѣйствіями дочери, а потому постоянно твердилъ ей:

— Неужели ты такъ поглупѣла, что съ твоимъ яснымъ умомъ и совершенствами позволяешь себѣ быть обманутой какимъ-то невѣждой и вѣрить его бреднямъ о сверхъестественной силѣ, о Мехти. Я не могу объяснить иначе, какъ твоей слѣпотой. Ты утратила способность разобрать, гдѣ правда, гдѣ ложь. Если бы ты сама претендовала на имя Мехти и объявила себя имъ, я съ величайшимъ смиреніемъ покорился бы тебѣ и пришелъ на поклонъ, я бы сталъ глашатаемъ твоихъ мыслей. Однако, ты, не взвѣсивъ свои достоинства, поклоняешься какому-то лжецу, который не достоинъ даже подать воду твоимъ ученикамъ: – Однажды, во время своей проповѣди, Молла Таги, дядя а вмѣстѣ съ тѣмъ и свекровь Тахире, разразился руганью по адресу извѣстнаго основателя секты шейхитовъ Шейха Ахмета Бахріени. На проповѣди присутствовалъ какой-то ширазецъ—шейхитъ, который наединѣ потребовалъ объясненія отъ Моллы Таги относительно его словъ, Молла вторично выругался. Послѣдній убилъ Моллу Таги. Преступленіе это приписали Тахире, и ея тремъ ученикамъ, которыхъ по на-

стоянію шитовъ, арестовалъ акимъ Казвина и подвергъ жестокимъ пыткамъ, чтобъ вызвать сознаніе.

Убійца, узнавъ объ арестѣ и мученіяхъ невинныхъ бабитовъ, сознался самъ и отдался въ руки акима. Акимъ города Казвина, подъ вліяніемъ мольбы сына убитаго муджтеида и его племянниковъ, отправилъ въ Тегеранъ къ великому визирю трехъ улемовъ, убійцу и Тахире. По дорогѣ въ Тегеранъ убійца убѣжалъ. Въ Тегеранѣ Тахире, благодаря ея популярности, подвергли домашнему аресту, а трехъ улемовъ, не пожелавшихъ измѣнить бабизму, казнили.

XXVII

Тахире своими проповѣдями пріобрѣла такую славу, что всѣ представители пера и ума восхищались и увлекались ея талантомъ.

Тахире, слѣдуя Баба, проповѣдывала единобрачіе и равенство половъ, обузданіе страстей, бракъ по любви, уничтоженіе «намахрамъ» (покрывало у мус. женщ.), равенство и братство между всѣми народами, безъ различія религіи и націи.

Она была первая, которая отреклась отъ поста, пятикратнаго намаза, излишнихъ обрядностей, которыми такъ полонъ исламъ и смѣло проповѣдывала слѣдовать за ней.

Она, читавшая раньше свои лекціи талабамъ въ Кербалаѣ за занавѣсями, разорвала покрывало и смѣло поднялась на кафедру проповѣдывать

собравшимся бабитамъ обоего пола, плѣняя и увлекая слушателей своимъ краснорѣчіемъ, чуднымъ голосомъ и пластическими движеніями, приглашая ихъ сорвать завѣсу мрака и итти по пути прогресса.

Она безъ устали могла проповѣдывать часами, пересыпая свои проповѣди цитатами и оригинальными поэтическими «аятами», которые жадно воспринимались и заучивались ея поклонниками, распространялись устно и письменно по всей Персіи. Персіянинъ, видѣвшій женщину только въ своемъ гаремѣ, уединенной—вдругъ видѣлъ женщину съ открытой головой, безъ традиціоннаго покрывала, со смѣлымъ видомъ и краснорѣчиво проповѣдующую съ трибуны. Это такъ увлекало пылкаго перса съ его необузданной фантазіей, что пренебрегая всѣми опасностями за приверженность къ бабизму, сталъ слѣпо слѣдовать за проповѣдницей, и тѣмъ утолить свою умственную жажду. Но къ несчастію проповѣди Тахире не продолжались болѣе двухъ лѣтъ, такъ-какъ горизонтъ надъ Тегераномъ, центромъ дѣятельности ея, началъ заволакиваться тучами. Правительство не дремало, оно принимало свои мѣры, и устрашенный народъ, мало-по-малу оставилъ смѣлую проповѣдницу.

XXVIII

Слуга Баба, по имени Садыхъ, родомъ татаринъ изъ Искуи, въ отместку за своего заму-

ченнаго господина, покушался, хотя и не неудачно, на убійство Шаха Насръ эдъ-Дина въ 1852 г., когда обнаружилось, что преступникъ бабитъ, то начались новыя жестокія гоненія на нихъ.

По указанію и предательству какого-то поваренка, тегеранская полиція начала производить аресты всѣхъ подозрѣваемыхъ и наполнять тюрьмы. Скрывавшихся въ трущобахъ и подвалахъ бабитовъ разыскивали и группами подъ усиленнымъ конвоемъ отправляли въ тюрьмы, гдѣ ихъ подвергали страшнымъ пыткамъ, вывѣдывали имена главарей и богачей секты. Отъ пытокъ и тюремъ освобождались только тѣ, которые поносили Баба и его вѣроученіе, или же могли набивать бездонные карманы своихъ палачей и судей, а остальныхъ безпощадно истязали и избивали. Въ первый же день арестовъ изъ группы арестованныхъ 38 человѣкъ только семеро отреклись отъ Баба и его ученія, а остальные, несмотря на мольбы, угрозы и обѣщанія со геройской рѣшимостью клали шеи подъ сѣкиру палача. Одинъ изъ казненныхъ былъ дядя Баба, его покровитель, для спасенія котораго купцы — шіиты предложили триста тумановъ, лишь бы кровь Сеида не пала на ихъ головы, но такъ какъ мужественный старецъ не захотѣлъ отречься отъ своей религіи, то обезглавили его, подвергнувъ жестокимъ мученіямъ. Затѣмъ были казнены: муджтеидъ Туршиджа, муджтеиды городовъ Кума и Кирмана, духовникъ матери шаха и извѣстный купецъ изъ Тавриза — всѣ эти шесть лицъ геройски приняли мученическій вѣнецъ за свои идеи. Седьмой же прекрасный юно-

ша, сеидъ изъ Мараги упорно отстоялъ свои убѣжденія. Никакія обѣщанія ни деньги, ни пенсія, ни дочь министра двора не смогли склонить его отречься отъ бабизма, и отважный сеидъ невозмутимо, прочитавъ молитву Баба, съ радостью протянулъ голову на плаху.

XXIX

Съ утонченной жестокостью, на какую только способны жители Востока и инквизація Запада подвергнули истязаніямъ генерала Гаджи Сулейманъ-хана, за перенесеніе останковъ Баба изъ Тавриза въ Тегеранъ. Когда этотъ придворный открыто сознался, что онъ бабитъ, и что никто не въ правѣ насиловать его совѣсть, и его религіозныя воззрѣнія, былъ за это подвергнутъ страшнымъ оскорбленіямъ. Его высѣкли розгами, вымазали сажей все тѣло, прокололи штыками мышцы его рукъ и ногъ, и въ эти уколы, какъ въ подсвѣчники, вставили зажженыя свѣчи и въ такомъ видѣ посадивъ его на осла лицомъ къ хвосту и съ хвостомъ въ рукѣ водили по всѣмъ кварталамъ Тегерана съ глашатаями и зурной.

Подвергнутый этимъ чудовищнымъ пыткамъ, Сулейманъ-ханъ съ радостью, во имя своей идеи, безъ содроганія и ропота перенесъ; это униженіе иногда слѣзалъ съ осла, чтобъ воткнуть вновь въ свои раны выпавшія свѣчи.

Весь Тегеранъ высыпалъ на улицы, смотрѣть на невиданное зрѣлище, народъ не могъ понять

что именно заставило Сулейманъ-хана пренебречь славой, богатствомъ, чинами, пенсіей, семействомъ и подвергнуть себя страшному истязанію и глумленію толпы изъ-за какого-то бреда нововявленнаго Пророка.

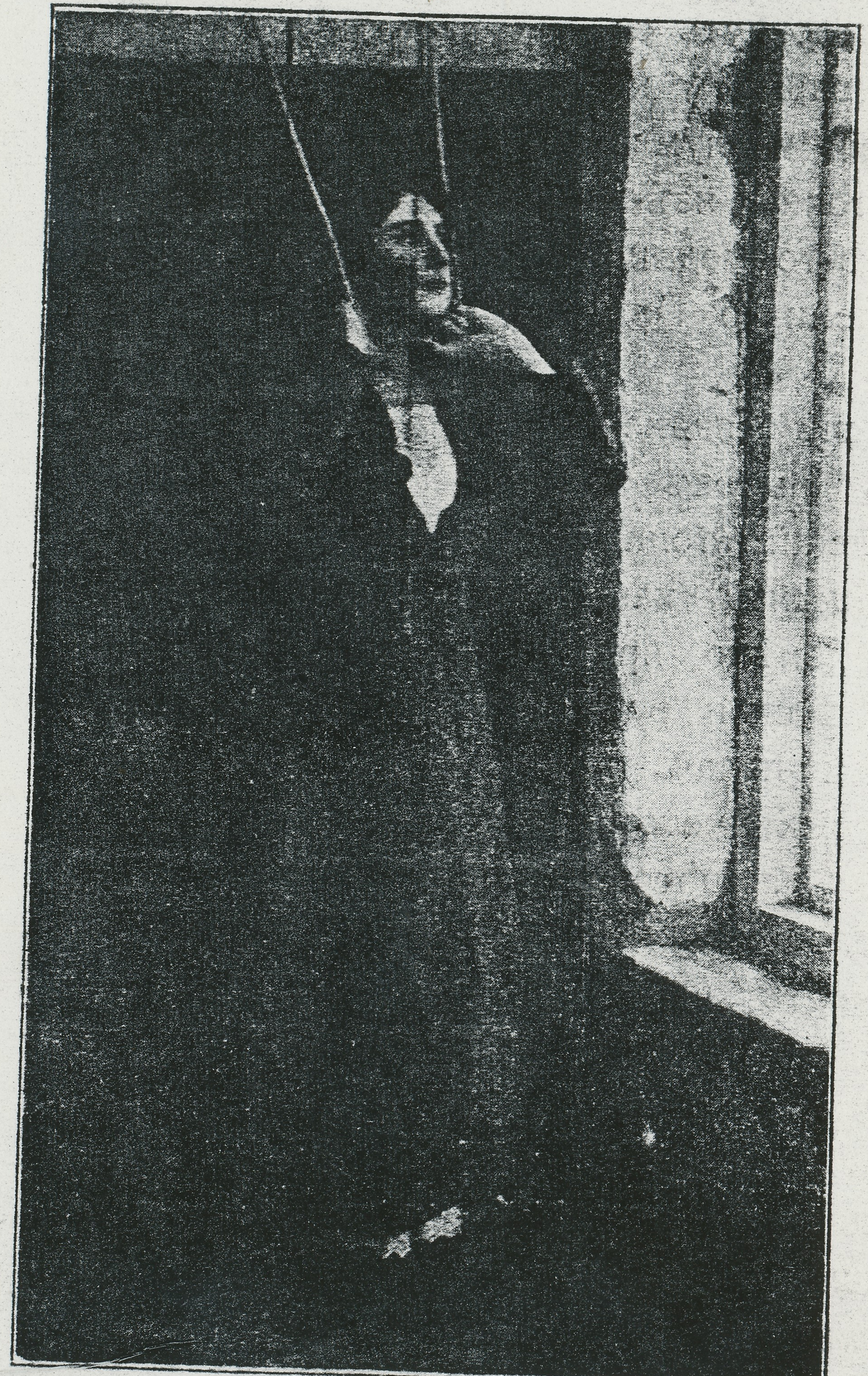
Послѣ безконечныхъ пытокъ и глумленій толпы, Сулейманъ ханъ самъ смѣло протянулъ свои руки и ноги палачамъ. Онъ былъ четвертованъ, а потомъ обезглавенъ.

Смерть Сулеймана была примѣромъ для бабитовъ, которые подобно ему съ безстрашіемъ шли на смерть во имя своей идеи, изумляя палачей своимъ презрѣніемъ къ смерти.

Бабитъ Сулейманъ-ханъ, замученный по приказу правительства въ ТЕГЕРАНѢ.

Въ дни гоненія на бабитовъ, по особому указу шаха, были посланы палачи задушить Тахире. Когда она узнала объ этомъ, сама спокойно

Смерть „Тахире"

сдѣлала петлю изъ веревки, накинула на свою шею и приказала палачамъ, стоявшимъ въ кор-

ридорѣ, тянуть концы веревки, пока не упала бездыханной.

XXX

Другую партію арестованныхъ бабитовъ въ 370 человѣкъ, полиція раздѣлила между ремесленными амкарами (цехъ) мясниковъ, кузнецовъ, сапожниковъ, портныхъ, столяровъ и т. д. Не были позабыты студенты (талаби), улемы и даже дворцовыя служанки. Было приказано замучить этихъ несчастныхъ инструментами своихъ же спеціальностей. Въ теченіе цѣлой недѣли весь Тегеранъ плавалъ въ крови невинныхъ бабитовъ. Запахъ разлагающихъ труповъ ошеломилъ всѣхъ, палачи устали казнить и измышлять утонченныя пытки. Бабиты же съ энтузіазмомъ и воодушевленіемъ продолжали свои проповѣди и безъ страха шли на смерть во имя своей идеи.

Убить себя подобнаго для перса считается самымъ тяжкимъ грѣхомъ; для этого нѣтъ никакихъ оправданій. Имя убійцы или палача самая презрѣнная кличка въ Персіи. Убійцу всегда называютъ «сыномъ проститутки». И вдругъ этотъ же самый персъ съ его воззрѣніемъ на убійство какъ будто озвѣрѣлъ, всѣ чувства, кромѣ жажды крови, у него заглохли, и онъ, не жалѣя ни пола, ни возраста, ни родства, безжалостно избивалъ бабитовъ.

Здѣсь уже не говорится о томъ, какъ грабили и эксплоатировали тѣхъ, кого подозрѣвали въ принадлежности къ бабизму.

Беха

XXXI

Изъ ПРОВИНЦІИ ежедневно подъ конвоемъ прибывали все новыя, новыя партіи бабитовъ. Каждый акимъ или чиновникъ пользовался большими уполномочіями арестовывать и высылать на судъ въ Тегеранъ подозрѣваемыхъ въ бабизмѣ. Этими правами они широко пользовались и довольно было малѣйшаго подозрѣнія, чтобъ несчастныхъ хватали и подвергали пыткамъ, а имущество отбирали въ свою пользу. Плачъ и стонъ стоялъ во всей странѣ.

Въ одной изъ арестованныхъ партій прибылъ изъ села Афче въ шимранскій лагерь второй сынъ бывшаго визиря Маліэ, (министра финансовъ извѣстнаго Ага Бурзуга Аббаса) Мирза Гусеинъ Али, который былъ извѣстенъ всѣмъ тегеранскимъ бабитамъ, какъ ревностный послѣдователь бабизма. Ага Бузургъ былъ родомъ изъ сел. Нуръ, расположеннаго по скатамъ горы Демавендъ, въ Мазандаринской провинціи. Онъ принадлежалъ къ ханскому (дворянскому) сословію. Служа на государственной службѣ, родъ этотъ былъ извѣстенъ

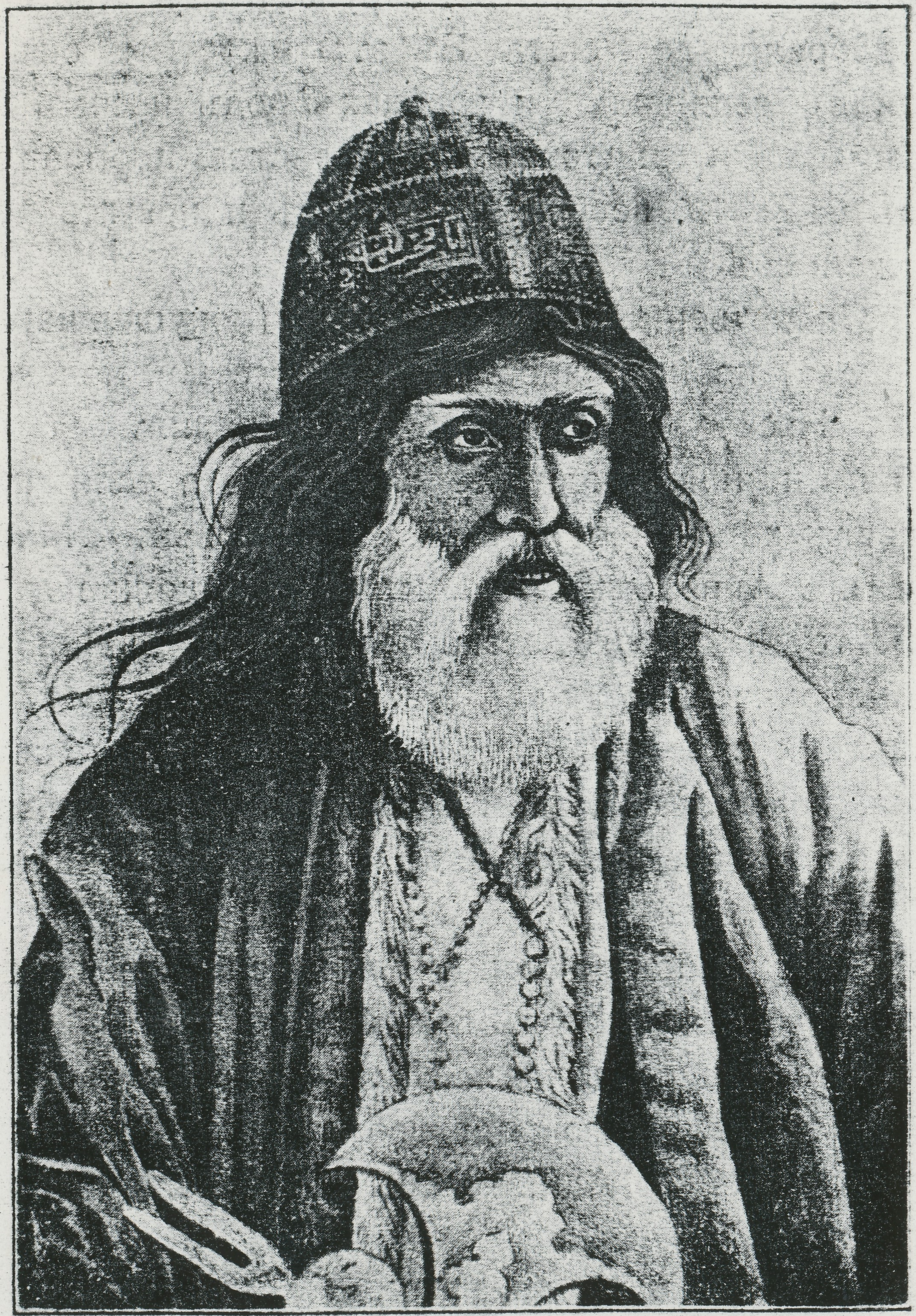
всей Персіи. Во время измѣны Батманъ клича противъ Мамедъ шаха онъ участвовалъ въ этомъ мятежѣ и послѣ пораженія вмѣстѣ съ Батманъ-кличемъ бѣжалъ въ Россію, а оттуда въ Турцію и умеръ въ Багдадѣ. Во время Теберскаго мяте-

„Беха Улахъ". Гусейнъ-Али Бини Ага Бузуркъ.

жа, когда бабиты толпами шли на помощь Бабъ-эль-Бабу, былъ арестованъ Мирза Гусеинъ, но освобожденъ, благодаря своему высокому происхожденію. Теперь же ни положеніе, ни происхожде-

ніе не смогли спасти отъ рукъ неумолимыхъ палачей чиновниковъ, которые, производя слѣдствіе въ Шимранѣ, перевезли въ Тегеранъ и бросили

Странствующій дервишъ

его въ подземную шахскую тюрьму «знданъ».

Младшій братъ Мирза Гусеина, Мирза Яхіа,

котораго Бабъ прозвалъ «Субъ-Эзель», и который выросъ подъ присмотромъ своего брата, чтобъ избѣгнуть смерти, пореодѣлся въ костюмъ дервиша и съ посохомъ въ рукахъ изъ Арагстана добрался до Решта. Въ этомъ костюмѣ онъ по пути въ селеніяхъ и городахъ подъ носомъ чиновниковъ и шіитскаго духовенства проповѣдывалъ бабизмъ, вербуя все новыхъ и новыхъ приверженцевъ.

Слѣдственное дѣло Садыга (покушавшагося на шаха) производилось въ присутствіи молодого шаха Насръ-эдъ-Дина, который слѣдилъ за малѣйшими подробностями слѣдствія, и если признавалъ кого-либо невиннымъ, миловалъ. Мирза Гусеинъ Али такъ смѣло и умѣло защищался въ присутствіи самого шаха, что тотъ, убѣдившись въ непричастности его въ безумномъ поступкѣ Садыга и снизойдя къ просьбамъ русскаго посланника, помиловать его и разрѣшилъ ему выѣхать изъ предѣловъ Персіи подъ видомъ паломничества въ Багдадъ.

Персидскіе чиновники совмѣстно со служащими русскаго посольства вывезли Мирзу Гусеина Али изъ предѣловъ Персіи; что же касается до конфискованнаго родового имѣнія и состоянія Мирзы Гусеина Али, то все это чиновники присвоили себѣ.

XXXII

Когда Эзели узналъ объ отъѣздѣ своего бра-

та въ Багдадъ, самъ поспѣшилъ туда. Вокругъ нихъ группировилась масса бабитовъ, искавшихъ убѣжища въ Багдадѣ отъ гоненія въ Персіи.

До 1853 г. Гусеинъ Али жилъ въ Багдадѣ инкогнито и не выступалъ открыто, всѣ свои наставленія или распоряженія дѣлалъ черезъ своего брата, или же отъ его имени. Число бабитовъ съ каждымъ днемъ увеличивалось.

Эзели постоянно странствовалъ въ одеждѣ дервиша, по селамъ городамъ проповѣдуя бабизмъ. Ряды послѣдователей ученія росли и росли. Эзели увлеченный посланіями Баба, данными на его имя, считалъ свою личность отраженіемъ новаго пророка и хранителемъ (vesi) его преданія. Онъ даже присвоилъ себѣ имя „Mirat"—(зеркало, отраженіе). Но не имѣя способностей и образованія и не будучи краснорѣчивымъ, онъ довольствовался ролью странствующаго дервиша, проповѣдуя по городамъ и селамъ идеи Баба. Въ душѣ же своей лелѣялъ завѣтную мечту стать замѣстителемъ Баба, хотя явно никогда не высказывался объ этомъ.

Опьяненный этими честолюбивыми замыслами, Эзели женился на вдовѣ Баба. Поступокъ его очень огорчилъ брата, который сильно упрекалъ его, говоря:

—„Возможно ли это, чтобъ сынъ женился на вдовѣ своего отца, хотя бы она и не была родною матерью? Вѣдь она же раздѣляла брачное ложе твоего, а вмѣстѣ съ тѣмъ всеобщаго нашего отца, какъ ты осмѣлился совершить такой дерзкій проступокъ?

Мирза Гусеинъ Али еще въ бытность свою въ Тегеранѣ, когда не были начаты еще гоненія и всѣ ужасы, сопряженныя съ ними, имѣлъ большую переписку съ Бабомъ, но, опасаясь предательства и боясь правительства, онъ устроилъ такъ, что вся переписка получалась по адресу Эзели. Такимъ образомъ Эзели являлся посредникомъ между своимъ братомъ и Бабомъ. Благодаря молодости Эзели, никто не могъ подозрѣвать его въ чемъ-либо. Бабъ еще до своей смерти распорядился назначить Мирзу Гусейна своимъ наслѣдникомъ, переславъ ему свое литературное наслѣдіе въ двухъ сундукахъ, черезъ своихъ двухъ учениковъ, которые спеціально для исполненія этого порученія отреклись отъ Баба. Ученики въ точности исполнили приказъ учителя и передали сокровище бабизма Мирзѣ Гусеину Али.

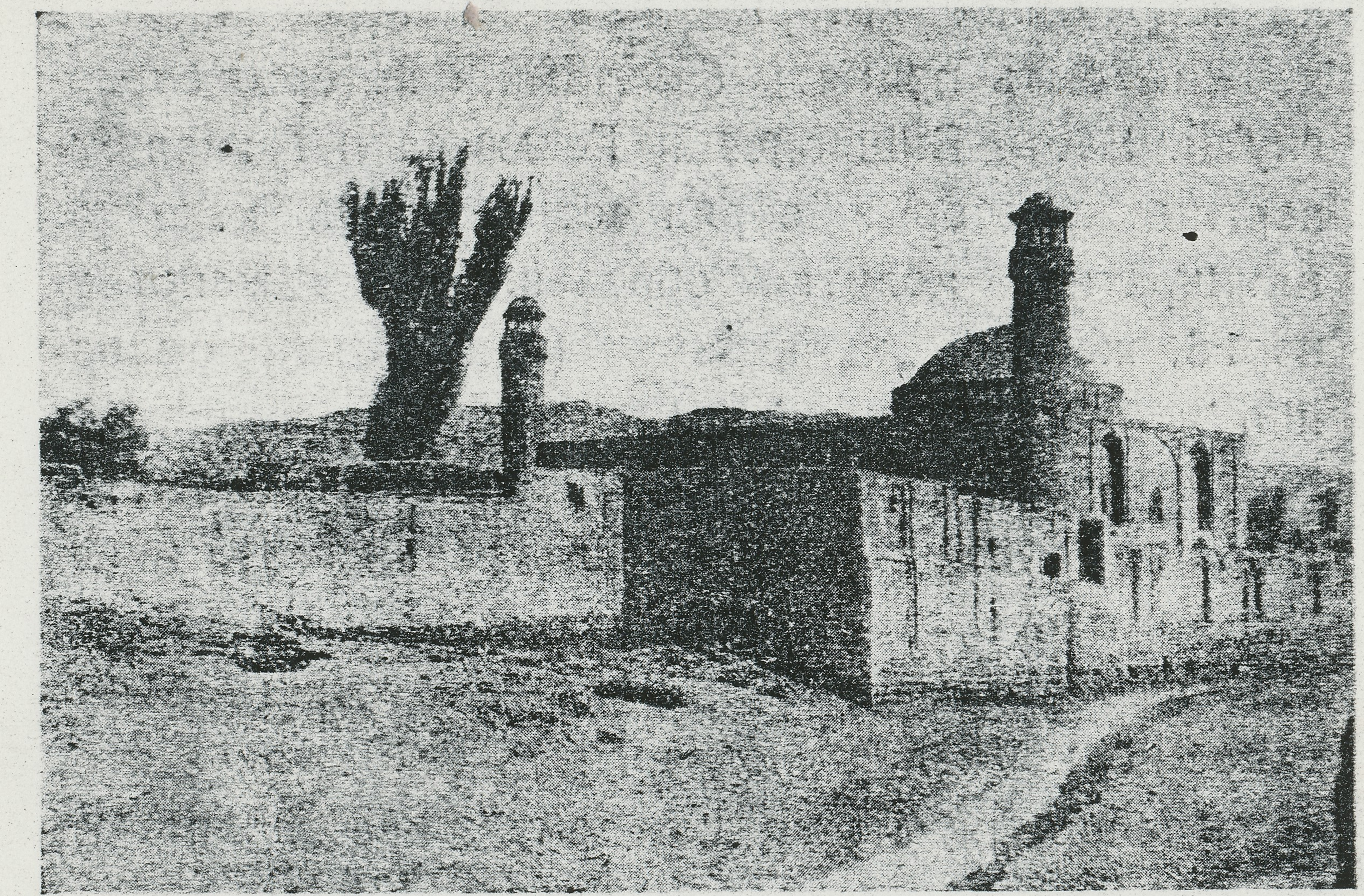
XXXIII

Наступило затишье. Гоненіе на бабитовъ приняло болѣе мягкій характеръ. Мирза Гусеинъ Али прожилъ въ Багдадѣ нѣсколько лѣтъ и въ теченіе этого времени управлялъ оттуда бабитами, посылалъ имъ наставленія и проповѣдывалъ. Онъ дѣятельно началъ завязывать сношенія со всѣми тайными кружками бабитовъ въ Иранѣ, организуя ихъ и вербуя все новыхъ и новыхъ сторонниковъ.

Въ 1854 г., послѣ смерти Баба, Гусеинъ-Али написалъ свое первое сочиненіе „Igan", которымъ

разъяснялъ нѣкоторыя неясныя мѣста въ произведеніяхъ Баба.

Но такъ-какъ его приближенные мѣшали ему предаваться размышленіямъ, а онъ любилъ уединенную жизнь, то тайно отъ своихъ друзей и поклонниковъ покинулъ Багдадъ и двинулся на сѣверъ Месопотаміи, гдѣ и избралъ своимъ мѣ-

стожительствомъ горное селеніе Сергелу, близъ города Сулейманіе. Здѣсь въ уединеніи прожилъ онъ два года. Окрестные жители, познакомившись съ его ученіемъ и очарованные проповѣдями, святостью его жизни и добротою, повезли его въ городъ Сулейманіе, гдѣ суннитское духовенство тоже увлеклось его ученостью и краснорѣчіемъ.

Слухъ о появленіи Мирзы Гусеина въ Сулейманіе достигъ до Багдада, откуда бабиты послали

делегацію къ нему, прося вернуться въ Багдадъ, въ раззоренную столицу Аббасидовъ.

До тѣхъ поръ бабиты старались жить по заповѣдямъ «Беяна» Баба, ревностно изучали какъ письменныя произведенія, такъ и устныя проповѣди Баба, согласуя свою жизнь съ требованіями его. Но не было стройной системы въ религіи, не выяснены были права и обязанности народа, не ясно было, которыя изъ заповѣдей Ислама должны быть приняты бабитами, а которыя отвергнуты. Бабъ, Бишройскій, Геоджатъ и Тахире отвергли нѣкоторыя обрядности Ислама, какъ-то: пятикратная молитва, обрѣзаніе, многоженство, постъ, женскій „намахрамъ" (покрывало), омовеніе, но не смотря на это многое еще оставалось туманнымъ и неяснымъ, что давало поводъ къ спорамъ. Гусеинъ Али началъ разъяснять, неясное комментировать. Свои разъясненія началъ онъ разсылать посланіями всѣмъ кружкамъ бабитовъ, но не желая подвергнуть себя наказанію, которое неминуемо грозило ему за его пропоганду, онъ писалъ свои посланія отъ имени своего младшаго брата Эзели. Проповѣди Баба вращались только вокругъ развитія человѣческаго разума и въ въ отрезвленіи его, въ пробужденіи и распространеніи его идей, но все это было такъ не ясно, и мысли его были облечены въ такую туманную форму и были въ такомъ зачаточномъ состояніи, что всегда нуждались въ разъясненіяхъ а потому явилась необходимость въ такомъ умѣ, какимъ былъ Гусеинъ Али. Дѣйствительно, Гусеинъ Али съ честью выполнилъ выпавшую на

свою долю тяжелую задачу. Онъ привелъ въ порядокъ все ученіе Баба, создалъ чистую, стройную, строго нравственную религію и сдѣлалъ ее понятною простому народу.

Проповѣди его всецѣло вращались вокругъ развитія человѣчсскаго разума, въ отрезвленіи его. Егс сочиненія заключали необходимость общечеловѣческой любви, солидарность между всѣми народами, прекращеніе войнъ, уничтоженіе тираніи и воинской повинности, свобода личности и ея чувствъ, слова и совѣсти. Онъ опровергалъ всѣ тѣ суевѣрія, которыми засорили ученіе Ислама имамы своими хадисами и стѣсняли вольный полетъ мыслей послѣдователей, онъ возставалъ противъ всѣхъ мистическихъ сказокъ, трактовавшихъ о связи имама Али и наслѣдниковъ съ Высшей силой.

По ученію Баба и Гусеина Али, Слово Божье, Коранъ не имѣлъ надобности ни въ объясненіяхъ, ни въ толкованіяхъ. Мусульмане не нуждаются ни въ попечителяхъ (веси), ни въ комментаторахъ (мубеинъ). Но такъ-какъ Коранъ устарѣлъ и не соотвѣтствуетъ духу времени, то и нуждается въ новыхъ откровеніяхъ для дополненія.

Во имя идей Баба, Гусеинъ Али требовалъ любить своихъ враговъ, даже палачей и тирановъ, и дѣйствовать на нихъ своей безпредѣльной кротостью, терпѣніемъ и благородствомъ. Единственнымъ вашимъ оружіемъ, проповѣдывалъ онъ, противъ вашихъ враговъ, должны быть вашъ языкъ и ваши идеи.

XXIV

Гордые персы, привыкшие смотрѣть на весь міръ съ отвращеніемъ и презрѣніемъ, не могли терпимо относиться къ проповѣди равенства націи и не волноваться. Для нихъ не было правовѣрнѣе религіи иснаашари. Проживающіе въ Багдадѣ и Кязимейнѣ шииты потребовали отъ своего консула Ага Бузурги хана силой обуздать дерзкаго хулителя имамовъ.

Ежедневно посылались изъ своихъ мѣстъ Иракъ Арабы толстые пакеты доносовъ шаху и визирямъ съ требованіями отъ муджтеидовъ улемовъ иснаашари принять строгія мѣры противъ бабизма и ихъ учителя Гусеина Али. Этими доносами обвиняли его въ томъ, что онъ сѣетъ смуту въ душу правовѣрныхъ, возбуждаетъ сомнѣнія въ существованіи Джабулгая и въ божественность откровенія имамовъ.

Положеніе персидскаго консула становилось критическимъ, и, желая выпутаться изъ этого затрудненія, онъ созвалъ въ Кязимейнѣ духовный судъ надъ бабитами, изъ муджтеидовъ: Неджефа, Куфы, Кербалая. Этотъ судъ также не достигъ своей цѣли, такъ-какъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ и почитаемыхъ муджтеидовъ, Гаджи Мирза Муртуза вышелъ изъ суда и возвратился въ Неджефъ, говоря:—„Я не нахожу противорѣчій шиизму ничего предосудительнаго въ дѣйствіяхъ Гусеина Али!“. Судъ разошелся не сдѣлавъ ничего.

Раздраженный этой неудачей, консулъ попросилъ шахскій указъ, по которому требовалось ба-

битамъ вернуться въ Персію, какъ персидско-подданнымъ. Однако, бабиты неустрашились, отказались вернуться въ Персію, и всѣ приняли турецкое подданство.

XXXV

По принятіи бабитами турецкаго подданства, Гусейнъ Али съ удвоенной энергіей началъ проповѣдывать бабизмъ. Это обстоятельство еще сильнѣе озлобляло персидскую колонію въ Багдадѣ и ея духовенство, послѣднее не пропускало дня, чтобъ не вступить въ религіозный диспутъ съ Гусейномъ Али и его послѣдователями.

Разсказываютъ, однажды духовенство шіитовъ отъ Гусейна Али потребовало совершить какое нибудь чудо-знаменіе. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что нѣтъ болѣе чудеснаго знаменія, чѣмъ священныя творенія основателя религіи. Неужели единственнымъ чудомъ Ислама не является Коранъ, которому повѣрили милліоны людей. На это ему отвѣтили, что Коранъ вдохновленный Богомъ безграмотному Пророку, дѣйствительно чудо изъ чудесъ, а произведенія Баба—плоды человѣческой мысли, а потому не можетъ быть никакого сравненія между Кораномъ и писаніями Баба. Тогда Гусейнъ Али предложилъ оппонентамъ позвать съ базара перваго встрѣчнаго бедуина. Когда тотъ предсталъ передъ собраніемъ, Гусейнъ Али приказалъ ему: „Кулъ, бигу„! (Слуга, говори!) Бедуинъ

въ теченіе получаса на литературномъ арабскомъ языкѣ произнесъ нѣсколько сотъ аятовъ. Велико было изумленіе присутствующихъ, когда они убѣ-

Костюмъ бедуина араба

дились, что въ дѣйствительности бедуинъ совершенно неграмотенъ, да въ довершеніе всего гово-

ритъ на самомъ испорченномъ арабскомъ жаргонѣ.

Однажды, на другомъ собраніи, гдѣ опять возникъ религіозный споръ духовенства, Гусеинъ Али, отъ котораго требовали опять чуда, разсерженный воскликнулъ: „Вы всѣ придите къ одному заключенію и потребуйте что хотите! даже если бы ваше желаніе было и то, чтобъ Тигръ перемѣнилъ свое теченіе, я исполню это“.

Сильно раздраженное персидское духовенство прибѣгнуло къ послѣднему средству, а именно: обратилось съ просьбой къ суннитскому халифу, турецкому султану, и выпросило у него указъ объ изгнаніи изъ Багдада Гусеина Али. Когда въ 1863 году по спеціальному указу султана въ сопровожденіи особаго чиновника Гусеина Али должны были перевезти изъ Багдада въ Константиннполь, Гусеинъ Али, считая время откровенія наступившимъ, обратился къ собравшимся въ саду Неджиба паши для проводовъ почитаемаго учителя бабитамъ и, указавъ на свою грудь, сказалъ: — „Я тотъ „Беха-Уллахъ„ (Свѣтъ божества), о которомъ предсказывалъ Бабъ въ книгѣ „Бехаи“ (Свѣтъ). Рѣчь эта подъ наименованіемъ „Лохъ“ начинается слѣдующими словами: „Это Онъ, который обитаетъ въ живомъ лучезарномъ храмѣ“. Такимъ образомъ, Гусеинъ Али объявилъ себя Беха-Уллахъ, т. е. свѣтомъ Божіимъ и былъ увезенъ въ Константинополь со своими друзьями и родственниками въ числѣ 86—90 человѣкъ. Это произошло на двѣнадцатомъ году его дѣятельности.

Привыкшій къ скитаніямъ въ теченіе своего двѣнадцатилѣтняго проповѣдничества и боясь преслѣдованія турецкой полиціи, Эзели издалека, окольными путями, слѣдилъ за караваномъ, увозившимъ брата своего въ Константинополь.

Въ Константинополѣ Беху и его послѣдователей приняли довольно милостиво. Онъ даже получилъ аудіенцію у турецкихъ министровъ. Оттоманское правительство не могло составитъ себѣ понятія о роли ипроповѣдяхъ этихъ „изгнанниковъ“, а потому особымъ указомъ „Падишаха“ (султана) они были увезены въ почетное изгнаніе въ Адріанополь.

XXXVI

Въ Андріанополѣ Беха началъ писать свое знаменитое посланіе такъ называемое „Лохъ“ (заповѣди), которое вскорѣ распространилось между его послѣдователями. Оттуда же онъ послалъ шаху Насръ-эд-Дину свое обширное посланіе, которымъ объяснялъ, что ни ученіе его, ни онъ самъ не имѣютъ намѣренія посягнуть на свѣтскую власть.

Онъ фактически доказывалъ, что проповѣди и его „Лохи“, заповѣди, ограничиваются только преподаваніемъ правилъ внутренняго самоусовершенствованія.

Онъ говоритъ, что бабитамъ строго воспрещено не только возставать противъ какой-либо

свѣстской власти, воевать, или проливать кровь, но даже огорчать кого бы то ни было; они должны любить не только друзей, но и враговъ своихъ, даже убійцъ и грабителей, безъ различія рода и племени.

Въ этомъ посланіи онъ признается, что сопротивленія бабитовъ во время гоненія въ Мазандаранѣ и Ширазѣ, было крупною ошибкой и противно ученію бабизма, это было плодомъ заблужденія.

Бабиты не могутъ ни вооружаться, ни сопротивляться злу, они не имѣютъ права даже обороняться, „лучше быть убитымъ, чѣмъ убить"— гласитъ „Лохъ" Беха. А потому поступокъ Садыга, стрѣлявшаго въ шаха, является безуміемъ.

Беха въ этомъ посланіи предлагаетъ шаху собрать подъ своимъ покровительствомъ соборъ для совмѣстнаго съ шіитскимъ духовенствомъ обсужденія вѣроученія Баба, и если совѣщаніе это не найдетъ что-нибудь противное совѣсти, то разрѣшить свободно исповѣдывать бабизмъ, наравнѣ съ другими религіями.

Но такъ-какъ демократическій духъ ученія Баба, а также проповѣдь полнаго разоруженія совершенно противорѣчили власти шаховъ, а потому Беха не только не получилъ никакого отвѣта на свое посланіе, но и посланецъ его былъ обезглавленъ.

Беха кромѣ этого написалъ еще другое посланіе, которое послалъ ко всѣмъ правительствамъ

Европы, предлагая имъ ознакомиться съ бабизмомъ и принять его ученіе.

XXXVII

Вмѣстѣ съ Беха былъ сосланъ въ Адріанополь также братъ его Эзели.

Въ Андріанополѣ Эзели сошелся съ испанцами Сеидъ Мехмедомъ и Мирза Агаджаномъ и съ тавризцемъ Рза Кули, съ которыми рѣшился протестовать противъ главенства брата своего Беха. Мотивировалъ Эзели свой протестъ тѣмъ, что Бабъ его называлъ „Субъ-Эзель", Зарей своего ученія, а также его объявилъ своимъ отраженіемъ—„Мератъ„ и его назначилъ попечителемъ „Веси" своей паствы, а потому Беха не имѣетъ никакого права называть себя „Беха-Уллахъ" или писать и разъяснить „Лохи". Права эти принадлежатъ ему—Эзели.

Протестуя такимъ образомъ противъ Беха, онъ внесъ расколъ среди бабитовъ и раздѣлилъ ихъ на два лагеря.

Воспользовавшись своей поѣздкой въ Константинополь, онъ сумѣлъ представиться сановникамъ Турціи, жаловаться на брата, какъ на узурпатора своей власти; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не преминулъ просить себѣ пенсію, какъ главѣ бабитовъ.

Въ тѣ дни у одного „аскяра" было найдено нѣсколько «Лоховъ» Беха. Начальство узнавъ объ

этой находкѣ и боясь что войско проникнется этими идеями, поспѣшило выхлопотать у султана ирадэ о высылкѣ Беха въ городъ Акка (Акръ), а брата его, Эзели, на островъ Кипръ. Событіе это произошло въ августѣ 1868 г.

Послѣдователи Беха не захотѣли покинуть своего обожаемаго учителя, а потому въ числѣ 80—90 человѣкъ послѣдовали за нимъ въ ссылку.

По проискамъ персидскаго консула въ Турціи съ бехаитами были сосланы три послѣдователя Эзели эзелитовъ, а съ эзелитами три бехаита. Это было сдѣлано въ надеждѣ, что эти люди сумѣютъ посѣять раздоръ въ обоихъ лагеряхъ. Но надежды консула не оправдались, такъ-какъ по прибытіи партіи бехаитовъ, эзелитовъ уже не было, они куда то исчезли. Несмотря на тщательный сыскъ и дознаніе правительства, подозрѣвавшаго бехаитовъ въ убійствѣ, обыски оказались совершенно безрезультатными. Правительство даже арестовало всѣхъ бехаитовъ, но за неимѣніемъ уликъ выпустило ихъ.

Согласно приказу центральнаго правительства Турціи, комендантъ крѣпости Акръ, только одного Беха заковалъ въ кандалы и посадилъ въ одномъ изъ казематовъ. Беха занималъ верхній этажъ, послѣдователи же его помѣстились въ нижнемъ этажѣ.

По этой то причинѣ Беха въ своихъ произведеніяхъ называлъ себя заключеннымъ и мученикомъ.

Съ 1868 по 1870 г.г. Беха и его послѣдова-

тели жили въ этомъ казематѣ. Но когда правительству, по случаю призыва резервистовъ, ока-

Женщина изъ Тавриза.

залось надобность въ помѣщеніи, комендантъ крѣпости разрѣшилъ имъ переселиться въ городъ.

Подобно Бабу, Беха былъ также плодовитымъ писателемъ. Названія его произведеній доходятъ до 300 и большую часть коихъ написаны въ заточеніи. Въ тюрьмѣ написалъ святую книгу Бехаитовъ «Китаби-Агдесъ» на фарсидскомъ нарѣчіи. Кромѣ своего знаменитаго посланія—«Иганъ» (доказательства), написаннаго въ Багдадѣ, не менѣе знаменитымъ считаются его слѣдующія произведенія:

1) Мюбеинъ (посланія къ царямъ).
2) Ишрагатъ (судебные законы).
3) Игтидаратъ (сила).
4) Марюмнъ юль эсферъ.
5) Кюли Таамъ Хелленъ Бени Исраель (всякая пища чистая для сыновъ Израила).
6) Комментаріи къ главамъ Корана: „Адама“, „Эюби“ и къ другимъ.

XXXVIII

Родился Беха (Гусеинъ Али) въ 1233 геджры 2 мухарремъ (30 окт. 1817 г.). Когда заточили въ Акрахъ, ему было уже лѣтъ за 50. Будучи еще мальчикомъ, онъ отличался своими геніальными способностями и чудною памятью.

Однажды отецъ его получилъ финансовый отчетъ отъ управляюшаго Азербейджанской провинціей. Малолѣтній Беха взялъ отчетъ въ руки для чтенія и, увлекшись чѣмъ то, разорвалъ его на клочки. Видя отчаяніе отца, Беха взялъ бу-

магу и написалъ весь отчетъ снова. Велико было изумленіе семьи, когда отецъ Беха по полученіи копіи съ отчета нашелъ полное сходство съ написаннымъ Беха: все было точно, ничего не было пропущено.

Однажды отецъ его Бузургъ Абабасъ, хваста-

Фатъ-Али-шахъ

ясь своимъ знаніемъ естественныхъ наукъ, сказалъ:—«Присутствуй Пророкъ Іисусъ Христосъ долженъ былъ бы сознаться, что я самый извѣст-

ный знатокъ естественныхъ наукъ, и что всѣ европейскіе ученные въ сравненіи со мной ничто»! Беха возразилъ:

—«Неужели ты можешь безстрашно обратиться къ шаху, если бы былъ окруженъ его десятью полицейскими?». И сдѣлалъ выговоръ своему отцу за то, что онъ осмѣливается сравнивать себя съ предвѣстникомъ Бога Христомъ.

Еще съ дѣтства Беха отличался спокойнымъ и молчаливымъ характеромъ. Онъ былъ такъ скроменъ, что очень долго жители Тегерана и Багдада, читая его произведенія, были увѣрены, что они написаны его братомъ Эзели.

Получивъ воспитаніе съ малыхъ лѣтъ подъ руководствомъ хорошихъ учителей, онъ основательно изучилъ арабскій и персидскій языки, ихъ литературу въ особенности же исторію, секты Ислама и ихъ воззрѣнія.

Бабиты признали Беха божественнымъ Онъ кромѣ богословія изучилъ также всѣхъ римскихъ и греческихъ классиковъ, былъ знакомъ съ философіей Аристотеля, Платона, Сократа и Гипократа, (въ переводѣ на арабскомъ языкѣ), но совершенно не былъ знакомъ съ учеными трудами современныхъ ему европейцевъ, хотя и сознавалъ всю пользу ихъ, а потому всегда совѣтовалъ своимъ послѣдователямъ слѣдить за европейскою мыслью а въ особенности изучать естественныя науки, которыя онъ считалъ самыми полезными въ борьбѣ за существованіе.

Обладая громадною эрудиціею, онъ изумлялъ

своихъ противниковъ улемовъ мутешери неотразимой логикой своего мышленія. Во всѣхъ его произведеніяхъ красною нитью проходитъ призывъ любви къ ближнему, уничтоженіе племенной розни. Стиль его куда яснѣе стиля Корана, онъ простъ и не лишенъ той чарующей поэзіи и образовъ, въ какіе привыкли облекать свои мысли философы Востока. За прекрасныя качества Беха былъ обожествляемъ своими послѣдователями.

XXXIX

По ученію Баба и Беха, Іегова Мойсея и Аллахъ Магомета: одно и тоже. Онъ Одинъ Безначаленъ, Несравненъ, Вѣченъ и Безконеченъ. Бабъ признаетъ всѣхъ пророковъ Бибиліи и Корана, какъ избранниковъ Божьихъ, откровеніями которыхъ Богъ объявлялъ свою волю. Но съ приходомъ его, Баба, всѣ откровенія и заповѣди предшественниковъ уничтожаются какъ не соотвѣтствующія духу времени, а потому онъ, Бабъ, пришелъ дать народамъ новые «Лохи» — заповѣди.

Онъ старается измѣнить гипотезу о невидимомъ и абстрактномъ мірѣ и согласовать сверхъестественность съ естественными законами.

Слѣдуя примѣру Баба, Беха-Уллахъ проповѣдуетъ любовь, равенство и братство безъ различія національностей.

Однимъ изъ самыхъ возвышенныхъ идей Беха была идея всеобщаго мира, полное разоруже-

ніе всѣхъ народовъ, непротивленіе злу и чистую безкорыстную любовь къ всему человѣчеству.

Въ заповѣдяхъ, преподанныхъ Бабомъ своимъ послѣдователямъ въ книгѣ «Бехан», Беха измѣнилъ немного, а именно: онъ смягчилъ всѣ строгости и разрѣшилъ пользоваться всѣми благами жизни, лишь бы желаніе одного индивидуума не приносило бы ущерба обществу, или же себѣ подобному.

Онъ себя называлъ свѣтомъ «Беха» и рожденіемъ свѣта и зарей обновленія и проповѣдывалъ своимъ послѣдователямъ постоянно стремиться къ свѣту, проникать во всѣ слои тьмы и мрака, распространять свѣтъ его ученія и вѣчно стремиться впередъ по пути познанія.

Привожу нѣкоторыя изреченія и заповѣди изъ его книгъ.

«О, послѣдователи мои, народы міра, имѣйте со всѣми послѣдователями религіи безкорыстное и любовное отношеніе»!

«Самая глубокая тайна древа познанія заключается въ томъ, что вы и всѣ народы міра суть плоды одного и того же дерева и листья одной и той же вѣтви»

«Любовь къ отчеству не есть добродѣтель. Весь міръ вы должно любить, какъ своихъ родныхъ и искреннихъ друзей.!»

«О, послѣдователи Беха Уллаха! Вы востокъ любви и восходы добродѣтели, не упражняйте ваши языки въ хулѣ или лжи! Остерегайтесь обращать ваши взоры съ презрѣніемъ! Не будьте

причиной горя кого либо, а тѣмъ болѣе, сражаться или возставать противъ кого-либо».

«Божья воля—Законъ—снизошла съ неба на землю только для любви и мира, и не превращайте ее въ слова раскола и противорѣчія».

«Мои слова, подобны водѣ, должны потушить пламя религіозной ненависти, сокрытой и накопленной въ сердцахъ людей».

«Что пріятное хочется имѣть себѣ, то же, даже еще лучшее, пожелайте другимъ! Это есть заповѣдь Бога, если вы поймете ее».

„Оставьте всѣ ваши личные интересы и идите туда, гдѣ есть лишь общіе".

„О, сынъ человѣческій, если хочешь быть добродѣтельнымъ, оставь свой личный интересъ, послѣдуй и прикрѣпись къ всеобщему интересу"!

„Если ты признаешь справедливость, то дай тѣ же права и привиллигіи другимъ, какія ты присвоилъ себѣ.

„Блажена участь того лежащаго человѣка, душа котораго ярко освѣшена любовью ко всѣмъ.

„Блажены, служащіе общему интересу"!

„Кто воспитываетъ своихъ или чужихъ дѣтей, тотъ воспитываетъ дѣтей Аллаха. Да осѣнитъ его свѣтъ моихъ лучей, моя благодать и мое благословеніе да будетъ на него"!

„Прогрессъ, воспитаніе и самоусовершенствованіе внутренняго міра все это есть обезпеченіе жизни. Вотъ главныя заповѣди Бога!

„Будетъ время, когда опустѣютъ всѣ царскіе троны и никто не польстится занять ихъ".

„Газеты—это отраженіе жизни, счастливъ тотъ редакторъ-руководитель, который только учитъ правдѣ жизни и ищетъ справедливость“.

„Сладость жизни заключается въ простомъ трудѣ“.

XL

Такія изреченія и заповѣди безчисленны въ произведеніяхъ Беха. Я только привелъ нѣкоторыя изъ нихъ въ дословномъ переводѣ, какъ образцы его стиля и воззрѣнія.

Произведенія эти изданы въ Бомбеѣ 1890—92 году его послѣдователями.

Постараюсь набросить схему его ученія.

Слѣдуя ученію христіанства для Беха не существуютъ ни національности, ни родства, ни привиллигіи классовъ,—всѣ люди равно рождаются и равно умираютъ.

Согласно его ученію вся земля принадлежитъ всему человѣчеству, люди безъ всякаго различія равноправны и равноправно должны пользоваться всѣми плодами земли и всѣми благами жизни.

Въ особомъ посланіи къ королевѣ Англіи Викторіи онъ благодаритъ ее за принятыя ею мѣры противъ работорговли и изъявляетъ ей свое уваженіе, что Англійскій королевскій домъ даровалъ своему народу широкія права внутренняго самоуправленія.

Въ другомъ посланіи къ Наполеону III онъ

требуетъ отъ него во имя справедливости отречься отъ престола и вернуть народу похищенныя отъ него права въ противномъ случаѣ онъ предсказываетъ ему паденіе отъ внѣшняго врага и осада его столицы, какъ въ наказаніе за хищничество и воровство.

Въ третьемъ посланіи къ Абдулъ-Азизу на имя его великаго визиря Али-пашѣ онъ предлагаетъ ему собрать выборныхъ изъ народа и при помощи ихъ управлять народомъ, напоминая о несправедливомъ обращеніисъ нимъ онъ грозитъ султану, что онъ будетъ убить и многія изъ его провинцій отойдутъ отъ него. (Всѣ три посланія написаны имъ 1866—1867 г. въ Андріанополѣ).

Въ своемъ произведеніи подъ заглавіемъ—„Тегеранъ“ онъ пишетъ: „Человѣчество имѣетъ двухъ самыхъ сильныхъ враговъ, именно: жестокое и корыстолюбивое духовенство, которое своими воображаемыми видѣніями и угрозами адскихъ мученій пугаетъ народъ и вырываютъ послѣдній кусокъ хлѣба у нищаго и во вторыхъ, деспоты, которые при помощи огня, меча и непомѣрнаго налога грабятъ и убиваютъ беззащитныхъ своихъ подданныхъ“.

Въ этомъ же произведеніи онъ предсказываетъ Тегерану близкую побѣду демократіи надъ абсолютизмомъ.

XLI

Идеи демократизма еще болѣе ярко пропо-

вѣдуетъ Беха въ своей книгѣ „Китабъ-Агдесъ" (Святая книга), гдѣ онъ трѐбуетъ учрежденія совѣта „риджаловъ".

—Богъ приказалъ учредить для каждаго города и провинціи по одному дому правосудія изъ выборныхъ народа въ числѣ девяти человѣкъ, можно и болѣе. Выборные эти, входя въ совѣтъ, должны поступать такъ, какъ будто видятъ самого Всемогущаго, они должны представлять изъ себя повѣренныхъ Бога и Его представителей на землѣ. Изъ любви къ Богу они должны судить праведно и справедливо, съ людьми обращаться какъ съ братьями, и всегда имѣть въ виду общую пользу, забывъ всѣ личные интересы.

Хотя Беха въ своемъ посланіи къ Насръ-эдъ-Динъ шаху и подтверждаетъ, что его ученіе заключается только въ усовершенствованіи духовно-религіозной жизни человѣка и не вмѣшивается въ политическую власть и въ ея жизнь, но какъ послѣдователь Мойсея, Христа, а въ особенности Магомета, онъ не могъ совсѣмъ отдѣлить каноническое законодательство отъ политическаго кодекса.

Его „Китабъ-Агдесъ" и посланія, адресованныя монархамъ, очень ясно показываютъ его тенденціи демократическаго направленія.

Только надо имѣть въ виду и то, что Беха строго воспрещаетъ „джегатъ" (священную войну), нападеніе и сопротивленіе какой бы то ни было тираніи, даже онъ однимъ Лохомъ „Дифа" категорически приказываетъ не поднимать ору-

жія даже для самозащиты. Единственнымъ оружіемъ бехаита должно быть его языкъ и убѣжденія.

Беха, основательно изучившій расколъ Ислама, желалъ, чтобъ между его послѣдователями не возникъ терроризмъ, какой былъ у сектантовъ „Гашиши" (см. Али-Аллаиты) и такихъ ярыхъ фанатиковъ религіи, какими были Омаръ и Османъ, распространившіе Исламъ посредствомъ огня и меча, наконецъ, возникновеніе секты шіитовъ, послужившей причиной многихъ избіеній. Онъ разъ навсегда хотѣлъ искоренить всѣ между религіозные распри своимъ послѣдователями.

XLII

Тенденція къ стремленіямъ захвата бабитами свѣтской власти видна еще изъ того, что они устраивали подобно магометанскому Бейтъ-уль-Мали (общественное достояніе, казна) органъ общиннаго самоуправленія „Бейтъ-уль Адль" (домъ правосудія), гдѣ должны были собираться всѣ взысканія, подати, штрафы, часть наслѣдства въ пользу бѣдныхъ (1/19 часть). *И* этотъ органъ самоуправленія долженъ вѣдать всѣми гражданскими дѣлами общины. Въ другомъ мѣстѣ онъ предлагаетъ создать федерацію изъ отдѣльныхъ народностей съ однимъ главнымъ совѣтомъ отъ выборныхъ всѣхъ народовъ, разоружить всѣ народы,

уничтожить оружія войны и казармы обратить въ промышленныя зданія. Заключить такой союзъ между націями, чтобъ усмирить общими силами того дерзкаго, который осмѣлится растроить общій миръ.

Поэтому поводу онъ пишетъ въ своемъ произведеніи „Алеминъ" (всеобщее)

„Ученые всѣхъ народовъ, создайте одинъ общій языкъ, чтобъ на этомъ языкѣ говорило, понимало и писало все человѣчество, или выберите одинъ какой-нибуеь языкъ изъ существующихъ"!

Въ этомъ же произведеніи онъ предписываваетъ своимъ послѣдователямъ соединиться съ той властью, которая разрѣшаетъ имъ свободно исповѣдывать свою религію, честнымъ и безкорыстнымъ образомъ помогать этой власти, утвердить свое господство надъ другими, дабы она могла прогрессировать и просвѣщать темныя массы.

XLIII

Послѣ оглашенія между бабитами о непротивленіи злу, они разоружились, выдали свое оружіе правительству, или роздали сосѣдямъ: а сами, согласно проповѣдямъ Беха, вооружились единственнымъ оружіемъ—терпѣніемъ и втихомолку начали проповѣдывать бабизмъ.

Болѣе десяти лѣтъ не повторялись тѣ кровопролитія, какія были раньше между бабитами и

шіитами. Правда частчиныя убійства и грабежи со стороны шіитовъ не прекращались, но они не принимали характеръ массоваго преслѣдованія и скоро забывались, благодаря тактикѣ несопротивленія со стороны бабитовъ.

Однако, безропотное подчиненіе и крайнее терпѣніе все-таки не помогли бабитамъ и не спасли ихъ.

Два брата испаганца: сеиды Гусеинъ и Гассанъ должны были получить съ одного шіитскаго муджтеида Имамъ Джума, Мирза Гусеина 18000 тумановъ; муджштеидъ не захотѣлъ уплатить этотъ долгъ и искалъ какого-нибудь повода къ отказу. Онъ донесъ акиму, что Гусеинъ и Гассанъ бабиты и что у нихъ происходятъ тайныя собранія и проповѣдуются идеи, противныя шіизму.

Братья были немедленно арестованы. Конфисковали имущество, а самыхъ ихъ, подвергнувъ страшнымъ мученіямъ, казнили. Событіе это произошло въ 1879 г. Несчастныя жертвы своимъ терпѣніемъ и стойкостью изумили даже своихъ палачей.

Смерть двухъ братьевъ, любимыхъ учениковъ, хотя сильно и огорчила Беха, но онъ все-таки проповѣдывалъ неустанно: „Не подымайте оружія противъ враговъ своихъ, вооружайте только терпѣніемъ"! Хотя ему было жаль невинныхъ жертвъ, корыстолюбія персидскаго чиновничества, проглотившаго стотысячное состояніе братьевъ и возмущало его, но онъ послѣ этого случая циркулярными посланіями подтвердилъ своимъ послѣ-

XLV

По разсказамъ очевидцевъ, бывшихъ долгое время вмѣстѣ съ Беха въ изгнанiи, онъ никогда не падалъ духомъ подъ ударами судьбы и до конца своей жизни сохранилъ юношескую свѣжесть и живость. Насколько онъ былъ доступенъ и привѣтливъ со своими, на столько онъ былъ недоступенъ съ посторонними. Въ Акрѣ очень немногiе изъ иностранцевъ могли его видѣть, а у себя онъ принялъ только одного англичанина доктора Эдварда Бровна, который и познакомилъ англiйскую публику съ проповѣдями и идеями Беха.

Преданiе подтверждаетъ, для полученiя отвѣта на какой нибудь вопросъ отъ Магомета, приходилось ждать послѣдователямъ нѣсколько дней, пока не вдохновится Магометъ. Беха же наоборотъ, немедленно давалъ отвѣты на письма и вопросы; его же личный секретарь, Мирза Агаджанъ, записывалъ немедленно и копiю отправлялъ по назначенiю.

Несмотря на огромное количество такихъ посланiй, разъясненiй, объясненiй той или другой заповѣди, ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ противорѣчiй, между тѣмъ просмотрите Коранъ съ его 114 „сурiе“, и вы увидите, что они противорѣчатъ своими дополненiями и разъясненiями другъ другу.

Очевидцы разсказываютъ и увѣряютъ, что Беха безпрерывно и на ходу могъ диктовать нѣсколько часовъ подъ рядъ, и его личный секретарь еле успѣвалъ записывать стенографически. Иногда онъ диктовалъ неустанно 20—30 часовъ, и его секретарь записывалъ продиктованное имъ съ механической быстротой.

Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что онъ имѣлъ даръ пророчества и владѣлъ огромной силой вдохновленiя и это покажется правдоподобнымъ, если припомнимъ, что всѣ его предсказанiя въ письмахъ къ монархамъ буквально исполнились.

Однимъ изъ замѣчательныхъ чертъ характера было его хладнокровiе и неустрашимость. Однажды разгнѣванный чѣмъ-то комендантъ крѣпости Акръ направилъ орудiе на казематъ, гдѣ былъ заключенъ Беха, и приготовился стрѣлять. Всѣ бабиты были страшно напуганы, одинъ только Беха остался спокойнымъ и приказалъ своему секретарю продолжать писать подъ его диктовку. Гроза миновала.

Стиль и обращенiе къ послѣдователямъ отъ имени Бога и его прорицанiя говорятъ за то, что у Беха сложилось убѣжденiе якобы онъ является посланцемъ небесъ для разрушенiя старой религiи и созданiя новой.

Онъ какъ видно не подозрѣвалъ, что былъ яеновидцемъ и гипнотизеромъ.

XLVI

По ученiю Баба и Беха бабиты исповѣдуютъ

Творца вселенной, который всемилосердъ, всепрощающъ, всемилостивъ, всемудръ и вездѣсущъ. Онъ безначаленъ и безпредѣленъ, какъ и созданная имъ вселенная своимъ видимымъ и невидимымъ содержаніемъ. Существуютъ ангелы и демоны въ образѣ человѣка, какъ люди, живущіе между собой, но не чувствующіе сами, что онъ демонъ или ангелъ.

Земля, со своей фауной и флорой созданы изъ атомовъ. Съ глубокой древности постепенно развиваясь незамѣтные атомы достигли до человѣческаго совершенства.

Вначалѣ Богъ создалъ Слово, которое есть Самъ, его Существо и Свое слово вѣщалъ людямъ устами пророковъ, особыми откровеніями; пророки. эти познакомили человѣчество съ Волей Божьей.

Согласно небесному вдохновенію и подъ вліяніемъ Божественнаго духа пророки обѣщали человѣчеству, что само Божество должно явиться на землю. Онъ, Беха, является отраженіемъ Божественнаго духа на землѣ, устами его извѣщаетъ Божество Свою волю народамъ міра.

Аллахъ единъ, нѣтъ у него ни сына, ни равнаго, по управленію міромъ. Онъ, Беха, просто человѣкъ и тѣло его бренно, какъ у всѣхъ существъ, только въ немъ обитаетъ духъ Божества, и слово Свое вѣщаетъ устами Беха.

Беха скончался 16 Мая 1892 г. (духъ его вознесся на небо, оставивъ на землѣ свое бренное тѣло). Онъ обѣщалъ черезъ тысячу лѣтъ прислать Пророка для возобновленія его религіи, а

черезъ пятьсотъ тысячъ лѣтъ вторично явиться міру.

XLVII

Беха переселившись изъ крѣпости въ городъ въ 3-хъ верстахъ отъ города купилъ маленькое имѣніе „Касри-Бахче“, куда и переселился со своей семьей и приверженцами. Тамъ онъ жилъ безвыѣздно и, если бывала крайняя нужда ѣхать въ крѣпость, выѣзжалъ не раньше трехъ четырехъ часовъ послѣ заката солнца, и то въ сопровожденіи своихъ сыновей и съ такимъ расчетомъ, чтобы возвратиться въ ту же ночь. Большую часть времени онъ проводилъ всегда въ своемъ кабинетѣ, гдѣ диктовалъ или принималъ послѣдователей, нерѣдко говорилъ проповѣди въ своемъ любимомъ и прекрасномъ саду. Въ первый же день своей ссылки Акръ, расположенный на склорѣ горы Кармель, очаровалъ его своимъ мѣстоположеніемъ и чудными видами.

Никто не смѣлъ явиться къ нему безъ особаго на то разрѣшенія. Его послѣдователи со всѣхъ концовъ Ирана и Турана должны были письменно испросить разрѣшеніе на свиданіе.

Беха отличался умѣренной жизнью, ѣлъ самую простую пищу, одѣвался просто и опрятно. Ежедневно получалъ приношенія со всѣхъ концовъ мусульманскаго міра въ видѣ матеріи, ковровъ, земныхъ плодовъ и т. ц. Но ими онъ не

пользовался, а раздавалъ жителямъ города или посылалъ турецкимъ чиновникамъ въ видѣ подарковъ. Заключенные въ крѣпости Акръ ежедневно получали отъ Беха нѣсколько „хонча“ (большой круглый подносъ) пищи. Однажды нѣсколько бабитовъ приподнесли ему чудную шелковую скатерть, шедевръ своего рода, надъ этой скатертью подносительницы трудились болѣе двухъ лѣтъ, и что же? —эту скатерть онъ подарилъ коменданту крѣпости.

Нигдѣ нѣтъ портрета или фотографической карточки Беха, такъ-какъ онъ вообще не любилъ сниматься. Сохранился единственный портретъ въ Акрѣ, и то съ полузакрытымъ лицомъ такъ-что почти ничего не видно.

Какъ передаютъ, онъ былъ средняго роста, пріятной наружности съ черными задумчивыми глазами и волосами съ небольшой красивой бородой.

Мнѣ приходилось слышать отъ Мирзы Джелилъ, прожившаго у Беха болѣе двухъ мѣсяцевъ и получившаго отъ него Лохъ „Ишрагатъ“, лицо у Беха было такъ обворижетельно и привѣтливо, онъ такъ подкупалъ всѣхъ своихъ посѣтителей своимъ обхожденіемъ и простой, что посѣтившіе его разъ не смотря на громадные расходы на переѣздъ, добывались разрѣшенія на вторичное свиданіе.

Однажды, принимая какого-то знатнаго индуса бабита, который при видѣ Беха преклонилъ предъ нимъ колѣно, Беха поднялъ его за руку и

сказалъ: „Я такой же простой смертный, какъ ты, не подобаетъ мнѣ принимать земные поклоны, преклоняй колѣна только предъ Всевышнимъ“!

XLVIII

Въ началѣ бабъ, а потомъ и Беха, въ своихъ безчисленныхъ писаніяхъ тысячу разъ повторяли и порицали имамовъ и потомковъ ихъ, увѣрившіе народъ въ томъ, что они якобы имѣетъ сношеніе съ Всевышнимъ и отъ котораго получаютъ свои откровенія, порицали тѣхъ, которые толкуютъ Коранъ и комментируютъ каждый „аятъ“ 72 комментаріями, такихъ комментаторовъ они называютъ „Шіаи Шаніэ“ (шіитами-раскольниками) и самымъ строгимъ образомъ воспрещали не слѣдовать ихъ примѣру. Спеціально объ этомъ есть Лохъ въ книгѣ „Китаби Агдесъ“, воспрещающій комментировать его заповѣди или обращаться къ кому-либо съ комментаріями, они требуютъ, чтобы ихъ заповѣди понимались и принимались въ самомъ буквальномъ смыслѣ, и послѣдователи должны руководствоваться только яснымъ смысломъ заповѣдей. Въ Лохѣ „Абдулъ-Вахаби“ Беха предупреждаетъ своихъ послѣдователей не слушать и не вѣрить другимъ пророкамъ, которые придутъ послѣ него, такъ-какъ они являются самозванцами и исчадіями ада, и ихъ знамена и чудеса суть козни ада, такъ-какъ онъ, Беха, является концомъ указанія и при-

казанія Божественнаго духа. Въ этомъ же Лохѣ онъ разрѣшаетъ читать всѣ книги, даже противныя бабизму, изучать всѣ науки и языки, но не принимать новаго откровенія и новыхъ пророковъ.

Главная причина и цѣль воспрещенія въ томъ, чтобы между его послѣдователями не возникали секты и расколъ, могущіе вызвать раздоры и ссоры между вѣрующими, а также сохраненіе чистоты ученія бабизма.

XLIX

Беха еще до смерти написалъ свое завѣщаніе, гдѣ онъ повторилъ: „Единственная цѣль этого угнетеннаго (т. е. Беха) была погасить пламя ненависти и мщенія... Быть можетъ сердца людей просвѣтятся свѣтомъ согласія и достигнутъ мира". „О, люди міра! Божественная религія предназначена для любви и единенія, не дѣлайте ее причиной раздоровъ!.. Завѣтъ Бога таковъ: вѣтви (agsan)—родственники (afnan), и всѣ единомышленники должны направить свои взоры на Высокую вѣтвь (Kusni Asam). Обратите ваши взоры на ту книгу, которую ниспослали мы вамъ (Kitab Agdes). Когда отхлынетъ море единенія и заключится книга начала и конца, направляйтесь къ тому, кого пожелалъ Богъ и который есть вѣтвь этого стараго корня"!

„Цѣль этого аята направлена на „Высокую вѣтвь" (Kusni Asam). Мы также всемилостивѣйше

и щедрѣйше повелѣли: „Предназначилъ Богъ мѣсто „Высокой вѣтви" (Kusni Asam) выше „Большой вѣтви" (Kusni Akper), ибо Онъ Повелитель и Премудрый. Мы предпочли „Азамъ" (высокая) поставить выше вѣтви, чѣмъ «Акперъ» (большая), ибо такъ повелѣваетъ Всемогущій и Всезнающій. Любовь къ вѣтвямъ необходима всѣмъ, но Богъ не предназначилъ доли имъ изъ общественнаго имущества".

Эта часть завѣщанія сдѣлалась причиной противорѣчія и споровъ, вопреки волѣ Беха, который, какъ мы уже указали, сильно боялся раздоровъ между своими послѣдователями. Бехаиты раздѣлились на два лагеря, подобно тому, какъ по смерти Магомета, шииты отдѣлились отъ суннитовъ. Согласно приказу послѣдователи Баба и Беха должны были обратить свои взоры на Высокую вѣтвь, т. е. признать главенство его старшаго сына, такъ-какъ это было предопредѣлено Богомъ. Нѣкоторые послѣдователи, якобы исполняя волю Беха, признали главенство Азама и начали приписывать ему какія-то права, какъ-то: толкованіе и разъясненіе „Китабъ-Агдесъ" и другихъ твореній Баба и Беха. Азамъ не протестовалъ противъ этого, какъ бы соглашался съ мнѣніемъ своихъ сторонниковъ. Противъ этого протестовалъ младшій братъ его Акперъ, который не желалъ покориться своему брату и признать его главенство. Дѣйствія своего брата онъ называлъ преступленіемъ, а потому, сторонники Азама называли его отступникомъ.

Азамиты и Акпериты

L

Для РАЗЪЯСНЕНІЯ истинныхъ причинъ раскола между бехаитами, я постараюсь остановиться нѣсколько на исторіи его.

Беха былъ женатъ три раза. Отъ первой жены онъ имѣлъ одного сына по имени Аббасъ Эфенди, который извѣстенъ подъ титуломъ „Гусни Азамъ“ (высокая вѣтвь) и одну дочь—Вараган Кюбре. Отъ второй жены онъ имѣлъ трехъ сыновей: Магомета Али Эфенды „Гусни Акперъ“ (большая вѣтвь), Зія Улла, умершаго послѣ смерти отца, Беди-Уллахъ и двухъ дочерей: Фругіе и Сомадіе, а отъ третьей жены у него была одна дочь.

Два брата Акперъ и Азамъ, будучи отъ разныхъ матерей, не могли, конечно, относиться доброжелательно другъ къ другу.

Въ изгнаніи въ Акрѣ Беха сношеніе съ правительственными учрежденіями и съ турецкими сановниками возложилъ на Азама. Между тѣмъ Акперъ, проживая постоянно съ отцомъ въ Касри-Бахча, изучалъ труды своего отца. Онъ какъ бы являлся главнымъ личнымъ секретаремъ, писалъ письма и посланія подъ диктовку отца, велъ конфеденціальную переписку, даже по приглашенію тамошнихъ бабитовъ, ѣздилъ въ Бомбей корректировать произведенія своего отца. Вотъ почему онъ очень хорошо зналъ ученіе Беха и былъ всегда въ курсѣ дѣла. Азамъ же, проживая въ крѣпости, не могъ, конечно, считаться компетентнымъ, въ вопросахъ религіи.

LI

На девятый день по смерти Беха, сыновья, дочери родственники и извѣстные послѣдователи его собрались въ залѣ. По приказу Азама прочитали публично „Китаби Ахти“, завѣщеніе Беха.

Акперъ и его сторонники утверждали, что въ концѣ завѣщанія, согласно распоряженію Азама была наклейка изъ синей бумаги для того, чтобъ эта часть завѣщанія осталась непрочитанной и тайной отъ присутствующихъ. Акперъ болѣе двѣнадцати лѣтъ требовалъ отъ Азама снять фотографическія копіи съ завѣщанія для распространенія между бабитами, но Азамъ не исполнялъ

этого требованія, считая распространеніе завѣщанія не желательнымъ. По его мнѣнію широкое распространеніе завѣщанія могло-бы принести только вредъ.

Вопросъ о завѣщаніи послужилъ главной причиной раздора между братьями и раскола въ бабизмѣ.

Сторонники Азама распространяли всюду, что Аббасъ Эфенды (Азамъ) есть „божественная вѣтвь отца его отраженіе", и если Беха былъ свѣтомъ, то сынъ является отраженіемъ этого свѣта. Сынъ заимствуетъ свѣтъ отъ своего отца, какъ луна отъ солнца.

Въ своихъ письмахъ въ Америку Азамъ даже осмѣливался подписывать „Ибнъ-Уллахъ" (Сынъ Божій) и „Мессія", что сильно раздражало противниковъ его. Когда отъ него потребовали объясненій: на какомъ основаніи онъ осмѣливается величать себя сыномъ Божьимъ, онъ отвѣтилъ: „Я являюсь слугой слугъ и эту службу не промѣняю съ Божественнымъ океаномъ",

Благодаря этому предложенію, онъ далъ въ руки противной партіи сильное оружіе, такъ-какъ предложеніе это послужило тонкимъ намекомъ на претензію его стремленій къ обожествленію себя. Идя по этому пути, онъ послалъ своимъ сторонникамъ посланіе, въ которомъ писалъ: „Моисей, пророки, Іисусъ, Магометъ, Бабъ и Беха своими писаніями извѣщали народамъ „Мой завѣтъ" (Ахти Мисакъ)!

А потому онъ требовалъ за разъясненіями

темныхъ и непонятныхъ мѣстъ въ произведеніяхъ Баба и Беха обращаться къ нему.

LII

Претензія Азама діаметрально противорѣчила духу ученія Беха, категорически приказывавшаго своимъ послѣдователямъ не слушать тѣхъ, которые объявятъ себя „пророкомъ божественныхъ откровеній и имѣющими сношеніе съ сверхъестественной силой „мюбеинъ" (комментанторъ). Такихъ лицъ онъ называлъ лжецами и обманщиками (Muftiri kezzab)".

—„Если кто-либо ранѣе тысячелѣтія объявитъ, что съ неба дана ему высшая благодать— тотъ клеветникъ и самозванецъ!" (Лохъ изъ книги „Китабъ Агдесъ") На основаніи этого „Лоха" сторонники Акпера выпустили брошюру подъ заглавіемъ: «Itiani Delil», въ которой они опровергали претензіи Азама.

Раздраженный этой брошюрой, Азамъ циркулярнымъ посланіемъ объявилъ своимъ послѣдователямъ, не читать произведеній Беха, пока онъ не подтвердитъ своей подписью подлинность ихъ. Указъ Азама противъ свободнаго чтенія произведеній Беха сильно взбудоражилъ бехаитовъ и послѣдніе раздѣлились на два враждующихъ лагеря; Азамитовъ и Акперитовъ, по имени двухъ братьевъ (въ 1898 г.). Въ началѣ полемизировали только два брата. Акперъ выпустилъ новую брошюру про-

тивъ Азама подъ названіемъ «Hakikat Tovhit» (единая истина). Послѣ этой брошюры Азамъ прервалъ всѣ сношенія со своими родными и братомъ. Тогда Акперъ объявилъ слѣдующій Лохъ Беха—«Ismullahi Djemali», трактующій о лишеніи наслѣдства тѣхъ изъ своихъ сыновей, которые не исполнятъ его волю.

—«О, народы вселенной, преимущества моихъ откровеній и посланій предъ другими въ томъ, что я вычеркнулъ изъ нихъ проповѣдь вражды, противорѣчія, ссоры, ненависти и только оставилъ то, что проповѣдуетъ любовь, согласіе и миръ.»

«Блаженъ исполняющій волю мою. Если я замѣчу, что кто-нибудь изъ моихъ «вѣтвей» идетъ противъ воли, моихъ заповѣдей и законовъ, то я удалю и вовсе прогоню его съ порога моихъ дверей. Кто переступитъ стезю моей заповѣди, тотъ изгнанъ!»

Этимъ Лохомъ Акперъ объявилъ Азама низложеннымъ. Азамъ, въ рукахъ котораго находились общественная касса и имущество, въ свою очередь лишилъ Акпера и своихъ родныхъ ежедневнаго пропитанія, желая такимъ путемъ воздѣйствовать на нихъ и подчинить себѣ.

LIII

Противники Азама начали обвинять его въ присвоеніи приношенія въ пользу бѣдныхъ и сиротъ, въ тратѣ общественнаго достоянія по своему усмотрѣнію, въ подкупахъ турецкихъ чиновниковъ и въ пріобрѣтеніи себѣ имѣнія въ Баку на имя своего зятя. Между тѣмъ Беха прямо запретилъ не тратить общественное достояніе на свои личныя цѣли. Кромѣ того Азамъ вопреки ученію не только не любилъ своихъ, но и сталъ во враждебное отношеніе къ нимъ.

Кромѣ этого обвиненія, Акперъ обвинялъ его въ слѣдующемъ:

а) Приписывая себѣ названіе «Божьяго Завѣта» (Ahd inisak) онъ заявляетъ претензію на дачу новыхъ откровеній, что противорѣчитъ прямому смыслу лоховъ Беха.

б) Объявляя себя сыномъ Божьимъ (Ибнъ-Уллахъ) и Мессіей въ своихъ посланіяхъ въ Америку, онъ домогается сравненія съ Богомъ, чѣмъ и дѣлается язычникомъ (muchrik).

в) Приписывая себѣ роль комментатора (mubein), онъ этимъ открываетъ широкое поле для комментарій священныхъ писаній, что также противорѣчитъ основнымъ догмамъ ученія Баба и Беха.

г) Его обвиняютъ въ преслѣдованіи семьи Беха, чѣмъ и возбудилъ ненависть и разногласіе въ семьѣ, что также противорѣчитъ волѣ Беха.

д) Его считаютъ нарушителемъ законовъ, такъ-какъ онъ запретилъ свободное чтеніе не только другихъ писаній, но и твореній Беха.

е) Его обвиняютъ въ растратѣ и присвоеніи общинныхъ денегъ и въ лишеніи семьи Беха наслѣдства.

ж) Вопреки прямому смыслу писанія Беха,

Азамъ хулитъ халифа Омара за его слова: «У насъ есть Книга Божья» (Hasbina Kitab Ullah), онъ хулитъ также жену Магомета Айше, преслѣдующую Али, за его слова: «Я живое Божье слово»; (Enna kelamullahi Ennatik) въ обоихъ случаяхъ Азамъ нарушаетъ основы ученія Беха, такъ-какъ въ лохѣ «Tain» Беха называетъ Омара «защитникомъ справедливости», за эти-то слова, Али называетъ самозванцемъ, взявшимъ не принадлежащую себѣ роль.

и) Его обвиняютъ въ томъ, что, несмотря на прямое запрещеніе Беха, объявленнаго въ Лохѣ «Алемъ», онъ предалъ анаѳемѣ своего брата и приказалъ своимъ послѣдователямъ прекратить свои сношенія съ нимъ.

і) Его обвиняютъ въ томъ, что онъ свою личность объявилъ «центромъ завѣта и благовѣсти, а также намѣстникомъ» Merkesi Misak, Ahd Misak), что также противорѣчитъ ученію Беха, такъ какъ Беха не разъ повторялъ въ своихъ произведеніяхъ, что онъ только одинъ является «благовѣстью и центромъ завѣта» и послѣ него нѣтъ откровенія; что же касается титула «намѣстника» — это плодъ воображенія шіитскихъ имамовъ.

к) Его обвиняютъ въ томъ, что онъ объявляетъ себя «Высшимъ Откровеніемъ» и «Сыномъ Божьимъ», и что онъ написалъ — «Пунктъ входа и выхода народовъ міра — мое перо, доказательство же — полетъ словъ его языка". Этими словами онъ хотѣлъ дать понять о своемъ высшемъ откровеніи и подобно Али объявилъ свой языкъ

толкователемъ живыхъ Божьихъ словъ.

л) Онъ написалъ извѣстному Ага Джемалу тегеранскому: «Кто призоветъ народы моимъ именемъ, онъ изъ моихъ»!

Этимъ онъ себя ставитъ выше Беха. Написалъ Джемалу: «Что до сихъ поръ солнце держалось на башнѣ созвѣздія Овна, а теперь оно вошло въ созвѣздіе Льва». Въ другомъ письмѣ къ Мирзѣ Халилу онъ пишетъ: «Я атомъ своей службы не промѣняю на Божественный океанъ (знаніе)!

Въ видѣ вышеприведенныхъ обвиненій, противники Азама объявили его отступникомъ религіи, а произведенія его адскими заповѣдями (Elvahinar).

Азамъ въ свою очередь выставилъ рядъ обвиненій противъ Акпера:

А) Согласно завѣщанію Беха и святой книгѣ его, Акперъ безусловно долженъ подчиниться Азаму.

В) Акпера обвиняютъ, что онъ будучи еще очень молодымъ, до вознесенія Беха, написалъ такой „Лохъ", гдѣ онъ объявилъ себя „сотоварищемъ Высшей силы".

С) Акперъ писалъ противъ Азама и возсталъ противъ Божественнаго откровенія, отторгнувъ часть послѣдователей отъ божественной власти, внося расколъ между послѣдователями.

По этому Акпера объявляютъ изгнаннымъ изъ числа бехаитовъ и лишеннымъ сана, опредѣленнаго завѣщаніемъ.

Сторонники Азама для доказательства спра-

ведливости своихъ обвиненій приводятъ слѣдующія цитаты изъ произведеній Беха, Корана и Библіи, но самымъ главнымъ доказательствомъ ихъ является завѣщаніе Беха, которое обязываетъ всѣхъ направить свои взоры на Большую вѣтвь—Азамъ. „Вѣтвь Господня будетъ украшеніемъ и славой земли (Прор. Есая гл. IV 1 и 2). „Вотъ сынъ мой, котораго я утвердилъ... Вотъ я долженъ привести моего слугу—вѣтвь. Ibit (глава III 7—10). Изъ корня Ессе должна отрости одна вѣтвь и отростокъ (гл. X ст. 1—2). Вотъ человѣкъ, имя котораго вѣтвь; она должна изъ моего корня вырости и устроить храмъ Божій (Прор. Захарія гл. X ст. 12 и 13) и нѣтъ болѣе проклятія и совсѣмъ не будетъ, ибо престолъ Агнца Бога будетъ тамъ, и его наслѣдники будутъ поклонятся ему (откров. Іоанна гл. XXII 3) и т. д.

LIV

Противники Азама утверждаютъ, что всѣ эти откровенія и пророчества касаются только Беха, который и есть единственное откровеніе. Послѣ него не можетъ быть откровенія цѣлыхъ тысячи лѣтъ и въ доказательство своей правоты приводятъ слѣдующіе аяты Беха:

„Посланная Имъ Книга не удовлетворяетъ тебя?“ (повтореніе словъ Омара) (Привожу въ буквальномъ переводѣ).

„Древніе шиты (раскольники) многобожники

(мушрикъ) воображали себя вѣрующими въ единаго Бога. Они съ разныхъ точекъ зрѣнія вообразили себя ясновидцами и толкователями (намекъ на имамовъ). Горе имъ и горе тому, кто стремится возобновить расколъ. Шииты тысячу двѣсти лѣтъ считали себя „превосходствомъ свѣта“, „вѣнцемъ творенія“, но въ день страшнаго суда, (день явленія Баба въ 1845) открылось, что они отверженные отъ Бога и были его хулителями“.

„Клянусь моей душой, что повелѣнія Его исполнились и совершились, откровенія кончились, но коварные, какъ было и прежде, любятъ раздоръ“.

„Справедливость, подобно солнцу на небесной высотѣ, ясно видима. Не имѣю ни одного земного динарія, чтобы была надобность въ душеприказчикѣ“.

„Если скажутъ, что для исполненія указовъ необходимъ душеприказчикъ, то такіе истолкователи враждуютъ противъ своего Создателя, окружающаго и пребывающаго среди васъ. Его личность не отдѣлима и всегда окружена повелѣніями. Не принимайте ни противника, ни противодѣйствующаго, или какаго-либо пророка“.

XLV

Распри и споры о завѣщаніи начались тот-

часъ же по смерти Беха, но разногласія эти были извѣстны только очень не многимъ изъ интимныхъ друзей братьевъ и послѣдователей Беха. Послѣдніе, помня завѣты своего дорогого учителя, старались примирить враждующихъ братьевъ и не оглашать въ народѣ внутреннюю неурядицу, но когда братья публично и посредствомъ брошюръ выступили съ обвиненіями другъ противъ друга, то бехаиты раздѣлились на два лагеря.

Старшій братъ Азамъ, въ рукахъ котораго находилось все имущество отца еще при при жизни, послѣ смерти Беха, согласно его завѣщанію, ставъ полновластнымъ владѣльцемъ всѣхъ имуществъ общины, лишилъ своего брата всего.

За немногими исключеніями всѣ проживающіе въ Акрѣ бабиты, а вмѣстѣ съ ними и большая часть живущихъ вдали бехаитовъ, мало знакомыхъ съ догмами религіи, примкнули къ Азаму. Акпера же окружили только тѣ, которые въ совершенствѣ усвоили ученіе Баба и Беха.

Беха какъ будто предвидѣлъ эти раздоры, такъ какъ въ одномъ мѣстѣ своихъ произведеній онъ говоритъ: „Послѣ моей смерти послѣдователи мои измѣнятъ мнѣ и число ихъ дойдетъ до трехъ, но со временемъ они вновь освѣтятся свѣтомъ истины и вернутся снова ко мнѣ.

Не успѣли бехаиты расколоться на два враждующихъ лагеря, какъ возникла огромная литература полемическаго характера между ними. Теперь насчитываются сотни и тысячи названій подобнаго сочиненія. Этому способствуетъ еще и то

что кромѣ ссылокъ на произведенія Баба и Беха противники ссылаются еше на Библію и Коранъ. Благодаря этой полемической литературѣ, между двумя лагерями бехаитовъ, подобно суннитамъ и шіитамъ, возникла такая вражда, что трудно предугадать, что будетъ дальше.

LVI

Въ день пятилѣтней годовщины смерти Беха, одинъ изъ самыхъ главныхъ почитателей бехаитовъ, Мирза Агаджанъ Кяшинскій (Khadem Ullah), личный секретарь покойнаго, прослуживщій сорокъ лѣтъ у Беха, въ присутствіи толпы паломниковъ, прибывшихъ съ разныхъ концовъ Персіи всталъ и сказалъ наполненныя горечью слѣдующія слова:

— „Братья и друзья мои, грѣхи ваши, накопившіеся до сегодняшняго дня, были моими и лежали на моей душѣ потому, что я цѣлыхъ пять лѣтъ долженъ былъ молчать! молчалъ я съ намѣреніемъ, чтобы предотвратить ссоры и ненависть. Нынѣ же я вамъ разъясню, а затѣмъ всѣ ваши грѣхи оставлю на вашей душѣ. Послѣ смерти Беха Уллахъ вся ваша жизнь, со всѣми ея дѣлами, идетъ совершенно наперекоръ священной волѣ Беха-Уллахъ. Все время ничего не дѣлалось, какъ только требовалось „Китабъ-Агдесъ“ и „Обѣтъ завѣщанія“. То, что написано въ „Обѣтѣ завѣщанія“ относится до истинныхъ пророковъ и посланцевъ.

небесъ, но то, что вы приписываете Азаму, есть ошибка и заблужденіе!..

Не успѣлъ Мирза Агаджанъ произнести эти слова, вызвавшія уже смятеніе въ толпѣ, какъ Азамъ схватилъ его за бороду, стащилъ съ могилы Беха и приказалъ своимъ слугамъ избить того, который въ теченіе сорока лѣтъ безкорыстно, вѣрой и правдой служилъ своему господину.

Во время этой расправы Мирза Агаджанъ громкимъ голосомъ продолжалъ прерванную рѣчь:

—Беха-Уллахъ, нашъ господинъ, познакомилъ насъ со своимъ ученіемъ посредствомъ проповѣдей и ими далъ намъ свои указанія и заповѣди, пусть теперь Онъ провѣритъ насъ на сколько мы усвоили его ученіе.

—Въ настоящее время я хочу въ присутствіи народа словами Беха-Уллаха поспорить съ вами, Аббасъ Эфенды (Азамъ) и, пока не очистится истина отъ нечистоты и многобожіе отъ единобожія и не, откроется правда народу, не замолкнуть уста мои!"

Но слуги Азама старались не допустить до народа его слова и безпощадно били его, но Мирза Агаджанъ не унимался и кричалъ: „Я только вѣрую въ Беха-Уллахъ, въ его писанія и уповаю на его милость!"

Отъ этихъ жестокихъ побоевъ, несчастный Мирза Агаджанъ, проболѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ, скончался, до самой смерти жалуясь на послѣдствія побоевъ.

Послѣ этого инцидента, Азамъ прогналъ отъ

себя всѣхъ тѣхъ приближенныхъ и слугъ своего отца, которые не приняли его безусловно, какъ „непрырывное откровеніе— Откровенія" т. е. Беха.

LVII

Азамъ, желая во чтобы то ни стало покорить Акпера, началъ прибѣгать ко всѣмъ мѣрамъ, уже не разбираясь въ средствахъ достиженія цѣли.

Такъ напримѣръ, пользуясь критическимъ положеніемъ младшаго брата Акпера, Беди-Уллаха, въ теченіе десяти лѣтъ проповѣдывавшаго и писавшаго противъ него, Азамъ пользуясь несостоятельностью противника подкупилъ его за 500 турецкихъ лиръ и заставилъ написать брошюру противъ Акпера. Тотъ согласился на это. Другой фактъ. Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ бехаитовъ былъ муджтеидъ Зерендскій, Мирза Магометъ, котораго называли „Небиль".

Муджтеидъ этотъ написалъ стихами въ нѣсколькихъ томахъ исторію бабизма. Онъ, до объявленія откровеній Беха, думалъ, что самъ является тѣмъ „Беха", о которомъ пророчитъ Бабъ, но когда прочиталъ произведенія Беха, то увѣровалъ въ него и сталъ самымъ ревностнымъ бехаитомъ.

Заручиться его признаніемъ надо было Азаму во чтобы то ни стало, такъ-какъ онъ пользовался большой популярностью между бехаитами. Азамъ предложилъ ему письменно нѣсколько такихъ во-

просовъ, на которые онъ долженъ былъ отвѣтить утвердительно, но мужественный старецъ, не захотѣвшій итти противъ своей совѣсти, предпочелъ смерть измѣнѣ завѣтамъ Беха и утопился въ морѣ.

Послѣ, когда турецкіе чиновники производили обыскъ въ его домѣ, нашли его завѣщаніе, въ которомъ онъ писалъ: „Я не настолько глупъ и идіотъ, чтобъ вопреки заповѣдямъ Баба и Беха считать тебя продолженіемъ отцовскаго откровенія. Этимъ признаніемъ я уничтожилъ бы выстроенный имъ храмъ, а себя обрекъ бы насмѣшкамъ".

LVIII

Азамъ не ограничивался лишеніемъ своихъ родныхъ и брата наслѣдства, онъ началъ всѣми доступными ему средствами преслѣдовать всѣхъ единомышленниковъ Акпера. Кромѣ запрета, наложеннаго на тѣ произведенія, которыя подтверждали его самозванство и чтобы положить предѣлъ распространенію противныхъ ему книгъ, онъ при помощи денегъ успѣлъ закрыть типографію въ Бомбеѣ, гдѣ печатались произведенія Беха.

Чтобъ оправдать слова пророка Захарія— „Вотъ онъ тотъ, имя котораго Вѣтвь (Гусни) построитъ храма Господень" (от. Захарія гл. VIII,

12—13), построилъ громадный храмъ надъ могилой Баба.

Чтобъ заставить безусловно вѣрить въ свое „сверхъестественное откровеніе", онъ даже прибѣгнулъ къ подлогамъ и искаженію текстовъ отцовскихъ писаній и завѣщанія.

1) Онъ въ народѣ распространилъ копіи съ одного произведенія, которое видавалъ за отцовское и въ которомъ Беха какъ будто объявилъ Азама—„продолженіемъ божественныхъ откровеній".

Но такъ какъ всѣ произведенія Беха были написаны или переписаны Мирза Агаджаномъ, или Акперомъ, а оригинала вышесказаннаго произведенія не было, а потому произведеніе это было подложное

II) Лохъ „Suriei Emr" распространили въ народѣ въ искаженномъ видѣ и со многими пропусками, которыми старались доказывать правоту Азама, но Акперъ нашелъ подлинникъ этого Лоха, написанный Беха, копію съ каковой были сняты фотографіей и распространены въ безчисленныхъ экземплярахъ.

III) Лохъ, данный на имя Гусни Акпера, Азамъ приписалъ себѣ, но когда Акперъ доказалъ противное, то Азамъ отвѣтилъ, что этотъ „Лохъ" относится къ нимъ обоимъ.

LIX

Многіе предполагали, что признаніемъ новаго ученія, была реформа Персіи, избавленіе персовъ шіитовъ отъ кабалы шіитскаго духовенства, но эти надежды не сбылись. Бабизмъ постепенно началъ распадаться, теряя все больше и больше послѣдователей.

Въ началѣ своего распространенія, когда отъ бабизма чаяли обновленія жизни, проповѣдь бабизма быстро распространилась и дошла до своего апогея во время гоненій на нихъ въ 1848—1852 г., когда всѣ недовольные царствующими порядками подъ флагомъ бабизма воевали съ правительствомъ.

Тогда-то въ числѣ явныхъ и тайныхъ бабитовъ были многіе придворные, извѣстные купцы, помѣщики и улемы, которымъ грезилось спасеніе отечества, при помощи этого ученія.

Правда, правительство потопило въ потокахъ крови всю страну и обратило многія цвѣтущія провинціи въ развалины, но эти то гоненія укрѣпили бабитовъ въ ихъ вѣрѣ и они, объятые ужасомъ, если не открыто, то въ глубинѣ души своей поклонялись тому милосердному Аллаху, котораго обѣщалъ имъ Бабъ и который долженъ былъ избавить ихъ отъ кровожаднаго чиновничества и корыстолюбиваго духовенства и устроить имъ правленіе народа посредствомъ „Риджаль-адль“.

Съ 1860 по 70 г. наступило затишіе, когда еще не было откровенія Беха, но 70—90 года, когда начались проповѣди Беха, число бабитовъ опять начало увеличиваться.

Но когда начались раздоры между Азамомъ и Акперомъ въ 1898 г., то многіе бехаиты, разочарованные новой религіей, отвернулись отъ нея. Имъ показалось, что опять воскрешается культъ имамовъ, съ ихъ хадисами и вдохновленными аятами и якобы чудесами они отчаялись и отвернулись отъ нея. За немногими исключеніями всѣ извѣстные бехаиты оставили Азама и примкнули или къ Акперу, или совершенно отвернулись отъ него. Но, какъ видно, бабизмъ имѣлъ на нихъ большое вліяніе, такъ-какъ они, хотя начали исповѣдывать господствующую религію, но все-таки не могли избавиться совершенно отъ тѣхъ вольностей, къ какимъ привыкли бабиты. Всѣ они втайнѣ лелѣяли мечту, что появится опять другой реформаторъ.

LX

Ученіе Баба больше всего распространилось на родинѣ его, въ Ширазѣ, гдѣ число послѣдователей его въ одно время достигло до 40000 человѣкъ, а въ настоящее время нѣтъ и четвертой части его. Второе мѣсто занимаетъ провинція Мазандаранъ и южные берега Каспійскаго моря, гдѣ насчитывалось до 30000 бабитовъ, а

теперь и нѣтъ 3000. Въ провинціи Испаганъ—8000 въ Хорасанѣ, благодаря Бабъ-эль-бабу, до 20000, а теперь нѣтъ и 2000 ч. въ Хамсѣ и Зенджанѣ прежде 10000, теперь 500, въ Азербейджанѣ 10000, теперь 1000 ч. въ Гамаданѣ, Кирманѣ и Вездѣ осталось безъ перемѣнъ: всѣхъ ихъ тамъ 8000 ч. Послѣдователи Баба есть также въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ въ Сиріи, Месопотаміи и въ Индіи.

За границами Персіи, бабизмъ больше всѣхъ распространился въ Россіи, въ Асхабадѣ, гдѣ русское правительство разрѣшило свободно исповѣдывать ученіе и защищало ихъ отъ гоненій шіитовъ. Въ Асхабадѣ число ихъ доходитъ до 3000 человѣкъ.

Послѣ смерти Беха, его ревностные ученики, босые, полуодѣтые, съ посохомъ дервиша въ рукахъ, начали вести ревностную пропаганду идей Беха, они не только проникли въ мусульманскій Востокъ, но и въ Европу, Америку, гдѣ довольно прочно обосновались. Въ Америкѣ на пожертвованныя тамошними бабитами деньги они понастроили храмы, школы и стараются всѣми силами пересадить культуру Запада на Востокъ.

К[illegible]олическіе и протестанскіе миссіонеры въ теченіе одного вѣка со своими громадными денежными средствами еле успѣли окрестить въ христіанство сотню другую мусульманъ, а между тѣмъ въ однихъ только Соединенныхъ Штатахъ Америки и въ самое короткоэ время бабитовъ насчитываютъ десятками тысячъ. Если бы не бы-

ли ссоры Акпера съ Азамомъ, то тамъ число послѣдователей было бы значительно больше.

Согласно данныхъ, находящихся у меня, бабитовъ насчитывается всего 50—55 тысячъ, а между тѣмъ лѣтъ двадцать тому назадъ ихъ было болѣе трехъ сотъ тысячъ въ одной только Персіи.

LXI

Въ настоящее время бабиты дѣлятся на три согласія.

1) Тѣ, которые считаютъ себя истинными бабитами, не принимаютъ ученіе Беха – Беха-Уллахъ, а ожидаютъ откровенія, обѣщаннаго Бабомъ. Ихъ называютъ эзелитами, по имени Брата Беха Эзели, ученіе котораго и исповѣдуютъ.

Они не многочислены и не такъ распространены. Послѣ смерти Эзели, на островѣ Кипрѣ, управлять эзелитами сталъ одинъ шейхъ по имени Хади. Онъ живетъ въ Девлетабатѣ (провинція Испаганъ).

Число эзелитовъ не болѣе 2 -3 тысячъ.

II) Тѣ, которые принимâютъ только ученіе Баба и Беха и не признаютъ Азама, какъ „безпрерывное продолженіе откровенія Беха". Ихъ называютъ „Акперитами".

Они тоже не многочислены, но за то составляютъ самую культурную и сознательную часть бабитовъ. Въ числѣ ихъ, кромѣ персовъ,

находятся и другіе національности. Всѣ американцы бабиты принадлежатъ къ этой сектѣ.

III) Самую многочисленную и сплоченную массу бабитовъ составляютъ— Азамиты, которые признали Азама, какъ «продолженіе откровенія Беха».

Число ихъ сильно преувеличиваютъ. Мое десятилѣтнее изученіе бабизма на мѣстѣ возникновенія его приводятъ къ тому заключенію, что число ихъ не болѣе 40 тыс. человѣкъ.

Азамиты, являясь самыми многочисленными въ количественномъ отношеніи, воочію доказываютъ, что для наивныхъ сыновъ Ирана жизнь безъ управленія богачеловѣковъ или зачатыхъ и вдохновленныхъ Свыше не можетъ существовать.

Пока царствуетъ мракъ въ Персіи, пока не будутъ изъяты изъ рукъ разныхъ ахундовъ и моллъ воспитаніе и просвѣщеніе юношества, и пока не будетъ объявлена молодымъ правительствомъ свобода совѣсти, слова, религіи, и пока будетъ царствовать ученіе иснаашари съ его тираніей духовенства, до тѣхъ поръ идеальное ученіе Баба и Беха не проникнетъ во всемъ своемъ объемѣ въ народныя массы. Какъ видно еще долго „богочеловѣки“ Азамы будутъ подобно паразитамъ высасывать послѣдніе гроши у обнищалаго и темнаго народа Персіи.

Несмотря на то, что съ большимъ воодушевленіемъ бехаиты слѣдили за перепетіями двухлѣтней борьбы народа съ деспотіей шаховъ Ирана и съ радостью видѣли, что всѣ предсказанія ихъ дорогого учителя исполняются въ точности, (письмо Беха къ шаху Насръ-эдъ-Дину въ 1868 г.) но все-таки они ни разу не подняли оружія, согласно завѣтамъ Беха для защиты и завоеванія народныхъ правъ отъ шахскаго произвола.

Въ точности исполнилось предсказаніе Беха, воцарилось народное правленіе съ „меджлисомъ“ и „энджуменами“. рухнулъ тронъ Мамеда-Али шаха, похоронивъ подъ собой не только шаха, отрекшагося отъ своего престола въ пользу малолѣтняго сына своего. но и его вѣрныхъ слугъ, но несмотря на всѣ эти перемѣны, бехаиты не вкусятъ плодовъ завоеванной свободы, такъ-какъ они по сей день заняты своими внутренними раздорами и интригами. Повидимому исполнится и другое предсказаніе Беха. Наступитъ день, сказано учителемъ. и на свѣтѣ останется только три бехаита, и великая проповѣдь всеобщаго братства и единенія совершенно погибнетъ. Сегодня тѣ Али Аллахиты, надъ матеріалистическими воззрѣніями которыхъ надсмѣхались бехаиты, гордившіеся своимъ ученіемъ, идутъ впередъ по пути прогресса, а бехаиты далеко отстали отъ нихъ. Они заняты лишь своими спорами и ссорами.

Бабъ

Бех[illegible]

С ъ 9

...измъ

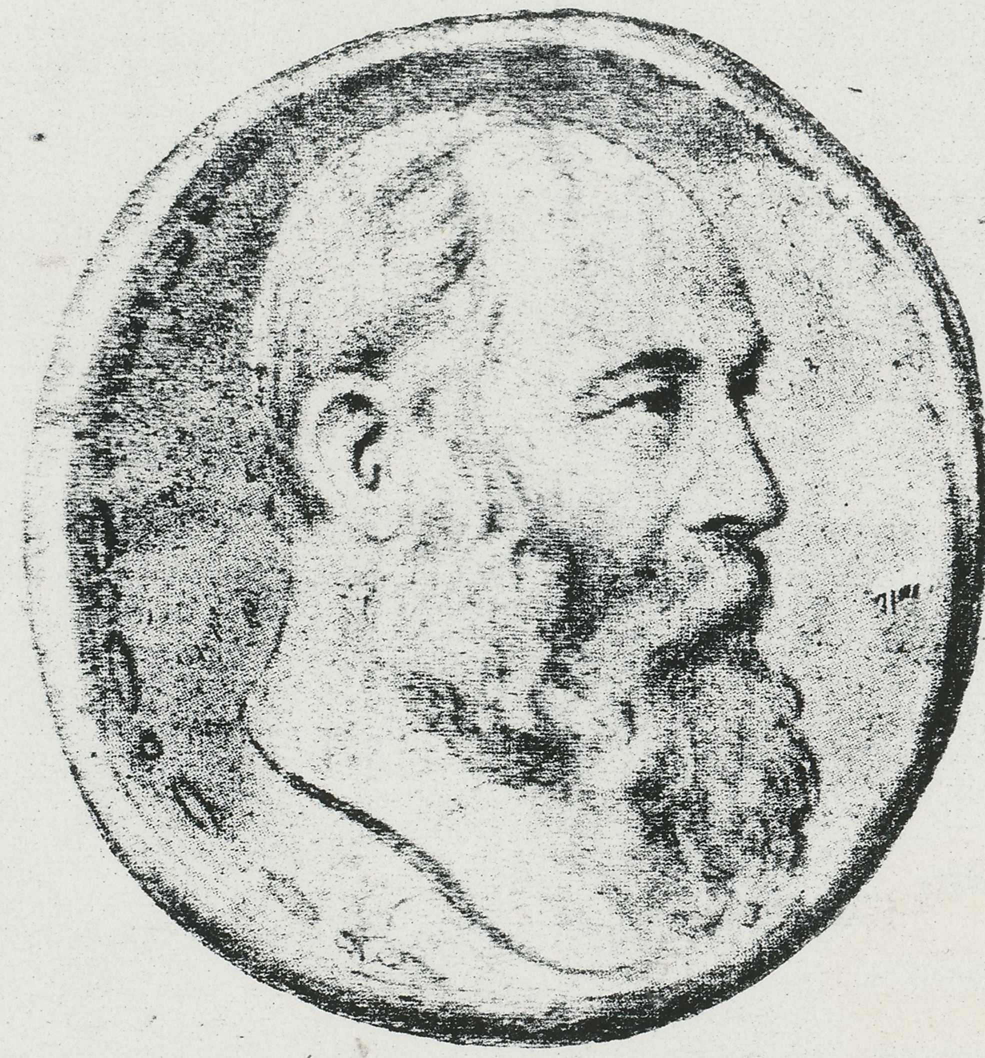
и

БЕХАИЗМЪ

Опы... научно-религіознаго изслѣ-дованія

(...30 рисунками)

ТИФЛИС...
Электропеч. Н. Г. Аганянцъ, Пол... 7.
1910

1

2

3. Рахимъ-Ханъ Сардаръ,

Народное движеніе въ краѣ льва и солнца

Цѣна 20 коп.

Цѣна 60 коп.